

ИГОРЬ КОВАЛЬЧУК

ДОРОГА К ВЕЧНОСТИ

Бессмертные

Игорь Ковальчук
Дорога к вечности

«Лениздат»

2008

Ковальчук И.

Дорога к вечности / И. Ковальчук — «Лениздат»,
2008 — (Бессмертные)

Среди множества миров есть один, который жители его называют Провал. Власть там принадлежит владеющим магией бессмертным, а верховная власть – сильнейшему из них, чье имя – Руин Арман. Не было еще мага могущественней его, но чем больше могущества – тем больше кругом зависти, а чем больше власть – тем больше врагов. Слабое место человека – те, кого он любит. И удар по ним может быть неотразим. Но помогут ли интриги, магия и предательство одержать верх над Властителем Провала? Подобный жуткой тени из прошлого, где-то еще существует загадочный Серый орден, чьи цели таинственны, а методы безжалостны. В существование этого ордена многие просто боятся верить.

© Ковальчук И., 2008

© Лениздат, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Игорь Ковальчук

Дорога к вечности

Глава 1

Покой и умиротворение царили в дворцовом саду, где каждый закуток был прелестен, каждое растение и каждый цветок радовали глаз, а то, что было создано человеческой рукой, казалось продолжением жизни, которую дала растениям природа. В зарослях тщательно (то есть незаметно неискушенному глазу) подстриженных садовниками кустов, усыпанных цветами, мелкими и крупными, прятались беседки, такие легкие на вид, будто их можно было поднять одной рукой. Сад, в изобилии украшенный дорогами и редкими растениями, представлял собой подобие большого лабиринта. Надо было хорошо ориентироваться в этом зеленом лабиринте, чтоб отыскать самые милые, самые укромные уголки.

В одном из таких уголков журчал ручей, берущий начало из широкой чаши, куда с негромким плеском рушились короткие и слабые струи фонтана, и через подвижный поток, который можно было преодолеть, сделав широкий шаг, был перекинут изящнейший горбатый мостик. В двух малых чашах из оникса, таких мелких, что там без труда могли купаться воробы, стояла чистая вода, и почему она всегда оставалась такой прозрачной, знали только садовники, работавшие в этой части сада.

У фонтана цвели два великолепных розовых куста, и девушка, сидевшая на краю фонтана, рассматривала крупные алые бутоны, словно пыталась понять, действительно ли они хороши, как кажутся. На самом деле, ее, конечно, нисколько не интересовали цветы, просто она задумалась, и на что смотреть, не имело для нее значения. Черты лица ее обострились и стали неподвижными, ресницы оставались опущенными, так что теперь девушка напоминала изваяние, и лишь самый внимательный взгляд заметил бы, как ее грудь поднимает и опускает ровное дыхание.

Девушка была так прекрасна, что в первый момент увидевший ее мог бы решить, что любит неведомой богиней. И вряд ли получилось бы понять, чем же именно она так привлекательна, почему столь совершенна. Может, гармония черт лица? Великолепие шелковистого потока черных, как вороново крыло, волос? Сложение, от которого у любого нормального мужчины голова пошла бы кругом? Сияние огромных, глубоких, как омуты, глаз?

В чем же вообще заключена женская красота? На этот вопрос так же трудно ответить, как и объяснить человеку незнающему, что такое любовь. Задай этот вопрос мужчине – и он, если наделен воображением и вкусом, задумается в замешательстве. Что привлечет его внимание в первую очередь, что породит пламя, охватывающее тело и душу, терзающее и дарящее наслаждение? Линия чистой, белоснежной шеи, или, может быть, мочка маленького, юного в своем совершенстве уха, тонкое запястье и узкая, маленькая кисть с изящными пальцами и округлыми ноготками, стройная ножка, едва выглядывающая из-под юбки... Может быть, линия плеча, линия талии, переходящая в бедро, мягко задрапированная юбкой...

У девушки, сидящей у фонтана, все было безупречно. Особенно это бросалось в глаза потому, что она была одета не в платье, а в обтягивающий черный костюм для верховой езды и высокие черные сапожки. На широком, отделанном серебром поясе висел длинный кинжал, который при должной сноровке мог стать очень опасным оружием. На ее чистом, высоком лбу, прижимая волосы, красовался узкий серебряный обруч, больше ее одежду и облик не оживляло никаких украшений. Впрочем, она сама по себе была украшением.

Только в лице ее и во взгляде не было мягкости. Глаза ее казались холодными, а взор – твердым, как сталь, и из тех, что подчиняют людей, стоит им только встретиться с ним своим

взглядом. Мужчине, который оказался бы хоть на гран слабее ее, рядом с этой девушкой было бы очень неудобно, а сравниться с ней по внутренней силе удалось бы далеко не всякому.казалось, ее взгляд способен крушить камень – такой внутренней мощью он обладал.

Ее звали Монталй. Не прошло еще и месяца, как она короновалась на престол этого государства, такого огромного, что его размеры почти совпадали с размером единственного материка этого мира. Она еще не отошла от состояния лихорадочной одержимости, в котором находилась, пока боролась за него, хоть и не очень понимала, зачем ей нужна корона как таковая. Эта борьба стала для Монтале единственной дорогой к выживанию, с которой, однажды вступив на нее, уже больше нельзя сойти. И, самое главное, сам не замечаешь, когда и как начинаешь этот путь.

Когда-то, живя в доме своего учителя, наставника воинского искусства, одного из немногих бессмертных в королевстве, девушка считала, что вполне устроена в жизни. Это продолжалось до тех пор, пока на этот дом не напали люди короля. Монтале и двадцать, и пятьдесят лет спустя помнила, как бежала через поле на выручку учителю, но успела только увидеть, как его, так и не сумев взять в плен, просто прикончили – задавили числом. Девушку же, как и остальных учеников старого мастера, захватили и, перебив старших, младших продали с торгов.

Ей было тогда всего пятнадцать лет.

Она очень быстро поняла, что такое рабство, и раз и навсегда возненавидела этот социальный институт. Что ей оставалось делать? Едва только в мире назрело очередное восстание рабов, она кинулась в него с восторгом, подобным тому, которое испытывает наемник, набрасываясь на покоренный город. Не раздумывая о последствиях. Она готова была брать свою свободу силой.

Но что делать потом? Монтале не относилась к числу восторженных дур, и очень скоро поняла – любое восстание такого рода обречено на поражение. Вопрос лишь во времени. И единственный путь к спасению для тех, кто не может покинуть пределы мира – одержать окончательную победу, то есть, попросту говоря, захватить власть в королевстве. Тогда уж с местными несправедливыми законами можно будет бороться по-другому.

В первый раз ее спасло то, что в сколько-нибудь серьезное участие женщины в восстании никто не поверил. Второй раз случилось то же самое. Второе восстание, разразившееся вскоре после первого, было сравнительно небольшим, локальным. Монтале по воле случая оказалась близка к главе мятежа, и ясно видела, какие ошибки он допустил, но сделать ничего не мог. Так уж сложились обстоятельства, что во второй раз рабы рвались не к власти над королевством, а к вину, золоту и веселью самого низкого пошиба. По большому счету им хотелось не выжить, а отомстить. И предводитель не смог остановить насилие.

Тогда Монтале впервые заклемили. Правда, клеймо поставили щадящее, высоко на боку, и так, чтоб оно особо не бросалось в глаза – пожалели дивную красоту пленницы. К удивлению девушки, ожог очень быстро зажил, и через несколько лет от него не осталось и следа. Правда, она быстро нашла тому объяснение – она уже знала, что бессмертна. А на бессмертных со временем все заживает. К тому же бессмертные сильнее, выносливее и ловчее смертных – немалое преимущество.

Третий раз Монтале спровоцировала восстание сама. Она нашла того, кто стал для нее опорой, она сумела сбить ядро из самых отчаянных и одновременно самых разумных людей, и ее отряд почти добрался до столицы. Этот бешеный вал разбился о королевскую армию, словно волна о неприступный утес, и бессмертная красавица снова попала в плен, начиная постепенно понимать, в чем состоят ее собственные ошибки. У нее медленно оформлялся в голове один план, потом еще и еще один – было из чего выбирать. В тот момент, когда ее второй раз в жизни коснулось раскаленное железное клеймо – теперь уже без церемоний и сожаления, – она, стиснув зубы, пообещала себе, что все равно станет свободной. Все равно.

На этот раз жизнь ей спасла красота, но тот же самый дар заставил ее пройти через длинную череду унижений и мук. Монтале продали на аукционе за весьма солидную сумму, и новый хозяин всерьез взялся приучать девушку вести себя «как положено». Она пыталась бежать, но была поймана и еще раз заклемена. Последовавшие далее наказания быстро заставили бессмертную задуматься, что если сейчас она не продемонстрирует покорность, то потом у нее не будет никакого «потом».

Монтале пришлось пережить и это. Ее тошнило при одном воспоминании о том, что ей тогда пришлось выделывать, чтоб доказать свою покорность. Хозяин был в восторге; а поскольку норовистая рабыня выдержала достаточно много измывательств, он поверил в то, что она сломалась и смирилась, и верил до того самого момента, пока его горло не рассек нож в ее руке. Впервые в жизни Монтале с наслаждением следила, как умирает человек. Раньше ей не случалось так ненавидеть и с таким восторгом любоваться тем, во что выливается ее ненависть. Только еще одного человека во всем мире она ненавидела подобным образом – его величество короля, поскольку именно он, по ее мнению, был главным виновником смерти старого мастера.

Девушка знала точно, что уж в четвертый раз ее не пощадят, а значит, надо побеждать – или умирать свободной. Потому на этот раз она готовилась очень тщательно, и подготовке почти не мешало то, что одновременно с этим ей приходилось петлять, будто зайцу, убегая от преследующих ее представителей закона.

Ее задумке во многом помогло то, что в глазах многих и многих она превратилась в легенду. О ее похождениях слагали баллады и пели песни, и рабы тайком от хозяев рассказывали друг другу об этой бессмертной – самой красивой женщине мира.

И когда Монтале явилась, готовая осуществлять свой план, за ней пошло так много людей, готовых умереть свободными, что она даже изумилась. На такую большую армию она не рассчитывала. В Монтале верили, как в богиню свободы, и потому без колебаний доверились ее приказам. Это помогло девушке обуздать тех, кто сразу кинулся грабить, насиловать, пытать у пленников местонахождение тайников с ценностями. Бессмертная провозгласила в своей армии строжайшую дисциплину и придерживалась установленных ею же правил со скрупулезностью педанта. В открытую с нею не решались спорить, признавая требования разумными, ведь дисциплина действительно нужна. Потому-то и само правило привилось.

Это была первая в истории королевства настоящая армия восставших рабов с жестким делением на отряды, военным советом, тактикой и стратегией. Монтале за свою жизнь успела усвоить и практику, и теорию военного дела, так что теперь действовала не хуже военачальников короля. И наконец-то сумела, раздавив его армию о крепостные стены столицы, затем взять и саму столицу.

И стать королевой.

Она не рассчитывала на это, она не хотела этого. Монтале нужна была только свобода и месть. Но в тот момент, когда ее меч прервал нить жизни короля, и она оглянулась на своих людей, замерших в отдалении – схватка двух предводителей должна была завершиться один на один (хотя какая там схватка, его величество совершенно не умел драться), – то увидела в их глазах пламя. И поняла – то, что мнилось ей концом, превращалось в начало.

Она не смогла отказать своим людям и приняла из их рук корону, понимая, что никто из них с поставленной перед правителем задачей не справится. А если говорить о бессмертной – ее «легендарность» поможет преодолеть кризис первых двух-трех лет, а там уж дело пойдет на лад. Главное – протянуть эти первые годы. Королевство надо было сохранить в целости, потому что любой раскол означает гражданскую войну, и это в стране, и так изнуренной долгими военными невзгодами.

Стоило только короне коснуться головы Монтале, как она тут же бросилась придумывать самые правильные законы, которые должны привести страну к процветанию. Но, как оказалось, на пути стояло множество трудностей. Просто было отменить рабство, однако решить сразу же

возникшие следом проблемы непросто. Если не будет рабов, то кто выйдет на поля огромных латифундий? Кто спустится в шахты и рудники? Кто сядет на весла галер? Кто станет трудиться от зари и до зари под палящим солнцем или в полной темноте, и не потребует за это слишком высокой платы?

Победившие рабы в пылу удачи, в усталости от нечеловеческого напряжения хотели жить, а не ломаться на тяжелой работе, а превращать в рабов бывших хозяев Монтале не хотела. Да их бы и не хватило на все плантации и рудники.

Именно об этом напряженно думала девушка, сидя у фонтана. Она знала, что многие из ее армии были настолько разумны, что понимали: победа – лишь начало новой жизни. Они торопились отрезать себе участок земли, женились, брали скот и приступали к трудам праведным. Но немало было других – тех, кому понравилась походная жизнь. Они желали продолжать в том же духе, и эту вольницу Монтале предстояло обуздать.

За миг до того, как произошло нечто странное, она подняла голову и бдительно сосредоточилась. Девушка не владела магией, но природа подарила ей особое чутье: магию она чувствовала. Это странное ощущение, смутный привкус на грани сознания, что-то почти инстинктивное – все это порождало у Монтале тревогу и желание как-то защититься от неизведанного. Она поднялась с места, готовая схватиться за кинжал, и в этот миг буквально в паре шагов от нее из воздуха появился человек. Сперва ей показалось, что он парит, не касаясь ногами травы. Впрочем, нет, он вполне твердо стоял на земле, просто оказался на голову выше девушки, и потому ей показалось, будто он нависает над нею.

Мужчина был одет во все черное, лишь слегка оживленное безупречно-белым воротником и украшениями – золотой цепью на груди, браслетами, застёжками, бляхами и пряжками на ремне. Он с такой непринужденностью носил на себе немалое количество золота и драгоценных камней, что здесь легко читалась давняя привычка. У незнакомца были длинные черные волосы, прихваченные тонким гравированным обручем, и внимательные глаза, которые тоже показались Монтале черными. «Маг», – подумала девушка, чувствуя дрожь в кончиках пальцев. От магии ее не могло спасти ничто – ни охрана, ждущая поблизости, за пышной куртиной алых роз, ни ее собственные навыки воина.

Мужчина взглянул на девушку, и глаза его округлились.

– Моргана? – спросил он недоверчиво.

В жизни у бессмертной было слишком много всего, и она мигом взяла себя в руки. Чему быть – того не миновать, но в лицо будущего надо смотреть с достоинством.

– Нет, – ответила она холодно. – Меня зовут Монтале. Вы ошиблись.

Незнакомец еще раз окинул девушку внимательным взглядом, правда, не восхищенным, к каким она давно уже привыкла, а недоумевающим.

– Простите, – сказал он. – Вы напомнили мне сестру. Вы очень похожи... Впрочем, еще раз простите. Я, кажется, вторгся в чужие владения, – он учтиво приложил руку к груди. Слегка поклонился – это у него получилось весьма изящно. – Поверьте, все произошло случайно. Сбой заклинания; вполне возможно при испытании новой системы.

Монтале расслабилась. Этот человек явно не имел к ней никаких претензий – что ж, тем лучше. Она уже с бульшим любопытством посмотрела на него, думая, что это, наверное, самый сильный маг на ее памяти. А он был сильным, вне всяких сомнений, – только самые могучие чародеи способны вот так непринужденно и стремительно появляться, а потом исчезать. Магам послабее приходится для этого проделывать уйму манипуляций, и в результате они устают настолько, что в конце пути просто валяются без сил.

– Вы не могли бы сообщить мне, где я нахожусь? – продолжил мужчина, оглядываясь. – Как понимаю, я ошибся в своих предположениях – и в смысле координат, и в смысле выбора мира. Что это за мир?

Монтале назвала.

Она, конечно, знала, что миров во Вселенной множество, что каждый из них имеет свою классификацию, номер и название помимо обиходного, собственного. Она знала, что во Вселенной существуют миры, населенные куда более искусными магами, чем те, которые жили здесь, на родине девушки, что эти маги умеют путешествовать между мирами. Некоторых она видела – они обслуживали караваны торговцев-иномирян, но им стоило огромных трудов и усилий открывать магические врата и поддерживать их все то время, пока через них пробирались повозки, запряженные лошадьми и быками. К тому же они всегда работали группами, а не в одиночку.

А этот – раз – и появился здесь. Он, наверное, очень могуч.

– Вы, как я понимаю, представитель какой-то торговой гильдии? – предположила она.

– Нет, – незнакомец выглядел раздраженным, но явно не в адрес девушки. – Подумать только. Я ошибся еще и Стороной. Это же мир из системы Белой магии, верно?

– Насколько я знаю, да. – О существовании во Вселенной двух типов магии – белой и черной, – а также о делении миров в соответствии с этими типами она тоже кое-что слышала. Правда, не интересовалась.

– Мм... Так... Простите, у вас есть магическое образование?

– Откуда? – даже удивилась Монтале. Она не ожидала столь неуместного вопроса. Неужели она похожа на колдунью?

– Но способности-то у вас есть, несомненно. – Маг снова окинул ее взглядом, на сей раз испытующим. – Способности немалые даже для бессмертного.

– Вы знаете, что я бессмертная?

– Это же видно.

Монтале в недоумении подняла глаза на собеседника – и вдруг поняла, что он имел в виду. Потому что теперь она видела, что он тоже бессмертный.

И еще что-то ощутила – едва-едва, слабо. Какое-то особое чувство, которое почему-то влекло ее к этому человеку. Нет, не как к мужчине, хотя неизвестный маг был очень красив, красивее любого другого мужчины, что девушка видела в своей жизни – статная подтянутая фигура без изъянов, правильные черты лица, обрамленного густыми кудрями, изящные аристократические кисти с длинными пальцами и взгляд темных глаз... О, этот взгляд способен был покорять. Она вдруг поняла, что их красота – одного плана.

И ей почему-то хочется ему довериться. В конце концов, ей просто хотелось общаться с ним. Не будь Монтале всей своей жизнью приучена относиться с подозрением буквально ко всему, что происходит вокруг нее или с нею, она и внимания бы не обратила на странность, просто отметила б, что имеет дело с очень приятным человеком.

Нет, это не магия. Она просто знала, что он не воздействует на нее своими чарами, чтоб добиться доверия. Ее артефакт – привозной, очень сильный, предохраняющий от чужого проникновения в душу или сознание – молчал. Им Монтале обзавелась сразу же, как только смогла, и очень доверяла. Маг сосредоточенно смотрел на нее, но не колдовал. Когда чародеи колдуют, это заметно – от внутреннего сосредоточения стекленеют глаза, и мышцы лица либо чрезмерно напрягаются, либо, наоборот, расслабляются до предела.

Она не выдержала первой.

– Почему вы так смотрите на меня?

– Простите, – проговорил он. – Я чувствую то, что не могу просто отбросить, как совпадение или кажущуюся видимость... А вы – не чувствуете?

– Что?

– Простите, что задаю такой, может быть, очень сильный вопрос... Кто ваши родители? – И, заметив, как вытянулись в струнку ее губы, налился холодом взгляд, он уточнил: – Вы не хотите отвечать?

– А какое ваше дело, кто мои родители? – она хотела ответить грубее, но сдержалась. Все-таки малый – маг. Кто его знает, на что он способен, особенно если обидится.

– Просто вы... Вы так похожи на мою сестру, и я знаю этот мир... И бессмертных, как я понимаю, здесь немного.

– Хорошо знаете наш мир...

– Не в том смысле. Я не жил здесь. Просто энергетика этого места такова, что естественным образом популяция бессмертных просто не могла здесь появиться.

– Что – бессмертных?

– Популяция. Ну, народ. Население. Как я понимаю, все бессмертные, живущие здесь, – иномирового происхождения.

– Вы что, полагаете, что ваша сестра нагуляла меня и потом бросила здесь? – съязвила Монтале, но в душе ее что-то болезненно сжалось.

Любой ребенок, в каких бы замечательных условиях он ни рос, как бы сытно его ни кормили и хорошо ни одевали, мечтает о родителях – матери и отце. Ребенку куда важнее любовь близких, чем кусок хлеба. И, хотя Монтале искренне любила старого мастера-мечника и жившую у него женщину, которая заботилась о ней, она все равно мечтала о матери. Эта мечта из детства пришла в юность и поселилась в глубинах сознания вполне взрослой женщины.

Бессмертная предводительница армии восставших рабов и не подозревала, что по-прежнему мечтает найти свою мать. Прижаться к ней, дожидаться от нее ласки и ненадолго стать ребенком, беззаботным и легкомысленным, которым не была никогда... Или хотя бы взглянуть ей в лицо и спросить – почему ты оставила меня, почему не стала растить? И почему в моей душе горит такой огонь, почему по вечерам сердце сжигает тоска? Не по тебе ли?

– Нет, – мужчина покачал головой. – Все было иначе, – он протянул руку. – Можно взять образец вашей крови?

– Это еще зачем? – сразу насторожилась Монтале.

– Я хотел бы проверить правильность своих предположений.

В голове у девушки сразу завертелись неприятные мысли. А что, если все это – просто ловушка? Хорошему магу достаточно волоска или ноготка, чтоб подчинить себе сознание жертвы, заставить себе служить. А тут – кровь... Может, именно эту цель преследует этот человек – хочет подчинить ее?..

Но он слишком хороший маг. Он мог бы просто околдовать ее и взять все, что ему нужно, сам. Что она, не владеющая никакой магией – разве что покупной артефакт, который можно, к примеру, сорвать силой, – смогла бы ему противопоставить?

– Что за предположения? – холодно спросила Монтале. Холодность была придана искусственно, потому что все подозрения сейчас казались ей несостоятельными. Этому человеку хотелось верить.

А маг, неплохо знающий людей, понял, что если он не станет объяснять, то ничего и не добьется. Мысль действовать силой, конечно, даже не пришла ему в голову. Он чувствовал, что та первая мысль, которая посетила его, стоило ему всерьез задуматься о похожести незнакомки и его сестры, имеет право на существование, но, если окажется верной, то ничего хорошего не жди. Чувство вины уже притаилось поблизости.

От очевидного было не отмахнуться. Он ведь тоже чувствовал к ней огромное расположение и, в отличие от Монтале, понимал, что это ощущение может оказаться знаком родственности.

– Моя сестра много лет назад попала в очень сложную ситуацию, – начал он нехотя. – Ее отец... вы знаете, кто такие вырожденцы?

– Представляю, – поморщилась Монтале.

– Нет, не как ругательство. А как термин.

– А что, есть такой термин?

– Есть... Впрочем, долго объяснять. Ладно. Словом, ее отец взял ее в свою постель. У Монтале округлились глаза.

– Он что... совсем ничего не соображал?

– Он был вырожденцем.

Девушка помолчала.

– Это термин?

– Да. Это нарушение энергетической структуры сознания бессмертного.

– Это... болезнь?

– Вроде того. Что-то вроде помешательства. Очень опасного. Моя сестра временно потеряла рассудок – от того, что с нею делал отец. Но ко всему прочему забеременела. А вырождение – это болезнь, которая наследуется. Почти всегда. – Маг сжал губы и помолчал. – И я решил, что когда сестра придет в себя, она... словом, ей тяжело было бы узнать, что она родила от отца, но еще тяжелее будет, когда эти дети, зараженные вырождением, умрут.

Монтале, конечно, все поняла. Она соображала очень быстро – иначе не выжила бы в этом безумном мире, не привела бы своих людей к победе хотя бы на четвертый раз. Этот человек не затеял бы этот разговор, если бы... Она пристально посмотрела на замолчавшего собеседника, протянула ему руку ладонью вверх.

Он кольнул ее в палец едва видимой невооруженным глазом «эфирной иглой», а потом в воздухе перед ним стремительно развернулась и заискрилась сотканная из лучей живого света причудливая магическая система. И что-то там дало тот результат, которого маг и ожидал, потому что он, хоть ничего и не сказал, как-то очень внимательно и грустно посмотрел на нее. И она все поняла по его глазам лучше, чем если бы он объяснил словами.

Они несколько минут мерились взглядами. Тогда же Монтале между прочим пришла в голову мысль, что этот человек, который стоит лицом к лицу с нею, тоже здорово похож на нее... Вернее, нет, это она похожа на него. Они почти одинаково красивы, и, хоть он, несомненно, привлекателен по-мужски, красота их обоих принадлежит к одному типу. Он, получается, ее дядя...

Впрочем, особой приязни к новоявленному родственнику эта мысль не вызвала. Наоборот, девушку вдруг захлестнула ненависть.

– Так это по твоей милости я носила эту штуку? – медленно, стараясь владеть собой, спросила Монтале, касаясь шеи.

На коже до сих пор был виден след от ошейника. Далеко не каждый раб в этом мире носил ошейник, но для опасной и непокорной Монтале сделали исключение. Ничего удивительного, ведь ошейник – очень удобная штука, особенно если для наказания или для надежности рабыню надо посадить на цепь. Девушке случалось сидеть на цепи, Впрочем, на собственной шкуре она испробовала и многое другое, что теперь разом вспомнилось ей. Как это водится, месть принесла удовлетворение, но не такое, как ожидалось. И теперь, увидев перед собой того, кто, похоже, был во всем этом виноват, бессмертная почувствовала, как в ней пробуждается зверь.

Мужчина смотрел на нее с мэккой во взгляде и не пытался защищаться или оправдываться. Если бы он тут же кинулся объяснять Монтале всю правильность своего поступка, она, наверное, без разговоров попыталась бы его убить. Попыталась, потому что отнюдь не была уверена в своих возможностях. Маг не только явно отличался немалой колдовской силой – он, похоже, отнюдь не раздобыл, сидя за книгами, отличался прекрасным сложением, а такая атлетическая фигура формируется только долгими тренировками, и не просто так. Но девушка совсем не думала о своей безопасности. В первый момент ее сознание действительно затопило бешенство. А потом она увидела страдание в его глазах.

Нет, Монтале не испытала к нему сочувствия – с чего бы вдруг? Просто она подумала – этого человека надо выслушать. Может быть, его поступку и в самом деле есть какое-то, хоть

малое, оправдание (свою неведомую мать она оправдала тут же – ведь было сказано, что после пережитого та женщина была не в себе; уж кто-кто, а много пережившая Монтале отлично представляла себе, как это бывает). По крайней мере, в ситуации следует разобраться, и только потом плевать незнакомцу в лицо.

К тому же ее посетила еще одна мысль.

– Дети? Вы сказали – дети?

– Да. Моя сестра родила двойню. Мальчика и девочку. И я был твердо уверен, что в этом мире должен был находиться мальчик. Видимо, мы... я перепутал детей...

– Так у меня есть брат-близнец?

Монтале прикрыла глаза. Она вдруг поняла, что всю жизнь знала это... Вернее, нет, не могла знать – чувствовала. Постоянно ощущала какую-то пустоту за плечом, кого-то неосознанно искала и не могла найти. Конечно, не могла, ведь она попросту не знала, кого именно искать. Родственную душу. Того, кто девять месяцев был к ней так близок, как никто, и в ком теперь она так мучительно нуждалась.

Все на свете разом потеряло смысл. Захотелось кинуться, искать. Перерыть всю Вселенную... Следом пришло отрезвление. Именно, что Вселенную. Он сказал: «Я был уверен, что в этом мире должен был находиться мальчик...» Значит, на самом деле ее брат находится в другом мире. Как добраться до него? Обратиться в какую-нибудь Торговую гильдию из другого мира? Но надо знать, куда именно ей нужно попасть.

Поджав губы, Монтале посмотрела на мага, который продолжал что-то говорить, что-то объяснять... Его слова пропадали напрасно. Девушка ничего не слышала и не хотела слышать. Она думала только о своем брате, которого не помнила, но всегда чувствовала.

– Где он?

– Кто?

– Мой брат.

Маг удивленно посмотрел на нее – он все еще был в тисках своей покаянной речи, – но, сообразив, в чем дело, поторопился объяснить:

– Он на Черной стороне...

– Ё-моё, – не выдержав, крикнула девушка. – Далеко.

– Да, на Черной стороне, в мире под названием Провал. Я могу вас туда переправить, если желаете. Или, может, можно на «ты»?

– Мне все равно, как вы будете ко мне обращаться, тем более что общаться с вами я не имею особого желания.

Он дрогнул.

– Я понимаю, я виноват. Но у меня одна просьба – не откажитесь пообщаться с моей сестрой, с вашей мамой. Ведь она совсем ни в чем не виновата перед вами.

– С мамой... Да, но позже. Сперва брат.

– Я отведу, – он попытался взять ее за руку, но Монтале вырвала пальцы.

– Я должна буду сюда вернуться.

– Понимаю. Но чтоб изготовить соответствующий артефакт, не нужно много времени. Сгодится любой драгоценный камень вроде рубина, сапфира... Даже бриллиант.

Девушке нужно было лишь обернуться и махнуть рукой, чтоб из-за куста выглянул слуга, он же младший телохранитель, выслушал приказ и бросился исполнять. За беседой королевы и неведомого мага наблюдали с самого начала, но не вмешивались, считая, что ей виднее, говорить с чужаком или нет. Мигнет – и мигом поволокут пленника в казематы, да еще предварительно отметелят на совесть, чтоб руками зря не махал. И Монтале это прекрасно знала, правда всерьез сомневалась, смогли бы телохранители помочь ей в случае чего.

Нужный камешек в оправе белого золота мигом принесли. Маг принял украшение из ее рук, повертел в пальцах и одним мановением руки распахнул перед нею портал. Его, похожего

на масляное пятно, колеблющееся в волнах, только не горизонтальное, а повисшее в воздухе, Монтале разглядела лишь потому, что контур его чуть-чуть искрился. На миг она испугалась – о заклятии переноса болтали всякое, да и стоит ли так всецело отдавать себя во власть неизвестно кого? Но девушка справилась с собой, обернувшись, бросила: «Скоро буду» и шагнула вперед.

Перемещение прошло незаметно, и перед девушкой распахнулось сероватое небо чужого мира, в лицо ударил ветер, пахнувший дождем, а вокруг развернулся неласковый пейзаж – скалы, кусты темной травы между камней, вдали горы и на полдороги к ним – огромная долина, лес и город, размеры которого поразили девушку. Он даже не был окружен стеной, стена имела лишь вокруг грандиозного замка, а домики, сгрудившиеся вокруг, никакой защиты не имели.

Границу города сложно было определить – долина оказалась буквально испещрена крышами домов и вилл, утопающих в зелени садов и парков. Она долго разглядывала замок и быстро пришла к выводу, что защищать такую громаду слишком сложно. Обычно замок – это одна, три или пять башен, вокруг которых возведены кое-какие хозяйственные и жилые постройки, а здесь... Можно было биться об заклад, что построек, причем многоэтажных, в этом замке больше, чем могут потребовать хозяйственные нужды. Намного больше.

Но зачем?

– Это Магическая Академия, – сказал появившийся из портала маг. Монтале, успевшая забыть о его существовании, вздрогнула.

– Вот этот замок – Академия?

– Именно так. Это не замок, а большой комплекс учебных корпусов и общежитий. Семья, в которой воспитывается твой брат... ваш брат... живет рядом с Академией. Если они не переехали... Надеюсь, что нет.

– Где его дом?

– Вот в той стороне, – маг показал рукой, но, едва она шагнула прочь, удержал за руку. – Постой. Позволь, я провожу тебя.

– Мне больше не нужна твоя помощь, – вздохнула Монтале. Она даже не смотрела на новоявленного родственника, и, кажется, думала сейчас только об одном – о брате, которого, кажется, начала чувствовать с того момента, как шагнула в портал. – Я найду его сама.

– Возьми, – он протянул ей камень, о котором она успела позабыть. – Управляться с этой вещицей просто. Сожмешь в ладони – и поймешь, как управлять. Но... Я полагаю, даже если ты не пожелаешь... Даже если не хочешь общаться со мной, может возникнуть ситуация, когда моя помощь или хотя бы ссылка на мое имя будет для тебя полезна.

– Что – ты настолько крупная шишка в этих краях? – насмешливо проговорила девушка. Он не обиделся – лишь слегка улыбнулся.

– В определенной степени.

– В какой же?

– Я – правитель этого мира. А заодно и двух соседних. Впрочем, полагаю, в этом я ненамного опередил тебя.

– Ровно на два мира... Неважно. И как же тебя зовут?

– Руин Арман.

– А... Мою мать?

– Моргана Арман. Она – моя сестра, дочь Армана-Улла, предыдущего правителя этого мира... Вернее, не так, предыдущим был мой старший брат.

– Неважно, – Монтале притоптывала ногой и покусывала губу, будто в нетерпении, но медлила. – Мне вот что нужно знать – как зовут моего брата?

Руин Арман и сам прикусил губу, опустил взгляд. Он выглядел бы смущенным, если бы не каменное лицо.

– Я не знаю. Ведь и тебе, как я понимаю, имя дал тот человек, у которого ты воспитывалась.

У девушки слегка дернулся уголок рта, как всегда, когда при ней упоминали ее покойного учителя.

– Он мне не говорил.

– Он жив?

– Его убили. Много лет назад.

– Жаль, – мужчина пнул кончиком сапога небольшой камушек, оказавшийся рядом. – Очень жаль, что теперь я не могу побеседовать с ним и отблагодарить его.

– Мне тоже жаль, что с ним уже не поговоришь, – сквозь зубы процедила Монтале. – А теперь оставь меня. Я сама разберусь.

– Я все-таки надеюсь увидеть тебя у себя в гостях. – Он помолчал и добавил: – Я прошу тебя. Очень прошу – не о прощении, конечно, просто о снисхождении. Пожалуйста, прими мою помощь.

Девушка смотрела в долину. Ветер бил ей в лицо, отбрасывая со лба иссиня-черные волосы, которые совсем недавно были коротко обрезаны (так удобнее в походе и в схватке), но уже начали потихоньку отрастать, и черты ее постепенно смягчались. Окружающий мир по-прежнему не нравился ей, и ощущение это было неуловимо, так слабо, что определить его причины, пожалуй, и не удалось бы. Но одна только уверенность, что искомое уже близко, успокаивало ее и дарило покой, от которого она давно отвыкла.

– Я приду, – сказала она. – Конечно, приду. Мне хотелось бы увидеть мать и поговорить с ней. Обо всем. Я верю, что она не виновата передо мной и перед моим братом. Так что, думаю, у нас будет о чем поговорить. А найти ее самостоятельно я не смогу.

– Я рад буду познакомить тебя с нею.

– Не думаю, что я приду скоро, – с легкой насмешкой бросила Монтале. – Помимо всего прочего у меня много дел в моем мире.

– Понимаю. Потому сделал артефакт так, чтоб ты могла перемещаться из твоего мира в мой столько раз, сколько понадобится.

– Он, что, с бесконечным запасом энергии?

– Не совсем. Но, думаю, на двадцать телепортов его хватит. Да, кстати, я подвесил на него еще одно заклинание. Оно поможет тебе понимать суть того, что будут тебе говорить местные жители. Транслитерирующее заклинание. В смысле заклинание-переводчик.

– Ты – сильный маг, – неохотно признала девушка. Она не подозревала, что изготовление подобных артефактов вообще возможно, и в любом случае считала, что дело это нелегкое, требует многих дней работы и, как минимум, мощного источника энергии. А здесь – совсем ничего.

Руин лишь пожал плечами.

– Я буду тебя ждать.

Она лишь отмахнулась не оборачиваясь и начала неторопливо спускаться в долину. Он вздохнул и вошел в портал, и, когда Монтале обернулась и увидела, что осталась в одиночестве, ей стало не по себе. Мир был чужим и, судя по всему, враждебным – так ей казалось, потому что небо заволакивали густые облака, да и все вокруг казалось непривычным. Здесь совсем иначе строили дома, а город был слишком велик на ее вкус. Она привыкла к тому, что люди старались жить на собственной земле, которую и обрабатывали, и даже ремесленники предпочитали иметь домик, окруженный огородом, – мало ли что, свой запас овощей не помешает. Большая часть населения проживала в селах, на собственных заимках или на виллах, если хватало средств.

Города были маленькие, и даже в самых крупных редко жило разом больше тысячи человек. Слишком часто вспыхивали эпидемии, которые превращали города в смертоносные

ловушки, и люди избегали подобного риска. Здесь же – Монтале готова была поспорить – в одной долине собралось столько людей, что хватило бы на пять городов ее родного мира. Она же не знала, что на самом деле их число было раз в десять больше, чем она предполагала.

Девушка невольно насторожилась, едва осталась одна. В мире, где она выросла, любой одинокий человек, который не находился под защитой какого-нибудь знатного или просто богатого, а потому могущественного человека, не входил в какую-нибудь гильдию или не обладал достаточной силой для того, чтоб постоять за себя, рисковал оказаться в рабстве. Что уж говорить о женщинах. Женщины без вооруженного сопровождения вообще не решались удаляться от дома.

Монтале ошупала клинок на поясе. Правда, у нее на всякий случай имелся артефакт, который должен был перенести ее в собственный дворец. Но это успокаивало совсем немного. Вдруг магическая штука не сработает – что тогда? Она нашла взглядом ближайшую дорогу и пошла туда, куда ей указала рука Руина Армана. Она, конечно, не разобрала, на какой именно дом он показал, потому что в тот момент ее это мало волновало.

Теперь, кажется, оставалось лишь обследовать целый квартал – около двух десятков домиков, окруженных фруктовыми садами и небольшими огородами. Это намного меньше, чем поиски в целом мире, и, само собой, гораздо меньше, чем поиски в целой Вселенной. Монтале лишь усмехнулась. Она знала, что, преследуя свою цель, не постесняется потревожить местных жителей.

Сначала она шла по дороге в одиночестве, потом из-за поворота показался одинокий всадник. Девушка продолжала идти, но правая рука ее тут же легла на пояс, в непосредственной близости от рукояти кинжала. Она пыталась сохранить непроницаемое выражение лица, и была уверена, что ей это удалось. Когда всадник приблизился, он посмотрел на нее с некоторым напряжением и одновременно с недоумением. Потом еще и оглянулся, рассматривая странную девицу в мужской одежде, и тогда Монтале поняла – несмотря на все усилия, ее намерение защищаться в полной мере отразилось на лице. А путник, даже и не собиравшийся нападать, конечно, удивился.

Монтале быстро успокоилась. На нее, похоже, никто не собирался покушаться, да и некому было. Следом за первым путником проскрипела телега, нагруженная хворостом, потом еще одна с каким-то непритязательным скарбом. Потом мимо протопали крестьяне – три бородатых крепыша, которых Монтале не интересовала вовсе – и тощий водонос, нагруженный таким огромным бочонком, что было удивительно, как он вообще способен передвигаться, таща все это на плечах.

До нужных домиков оказалось дальше, чем ожидала девушка. Она успела устать, преодолев лишь половину пути, и ее выручил парень на телеге, который, заметив вымотавшуюся девицу, предложил ее подвезти. Сперва она покосилась на молодого крестьянина с подозрением, но его взгляд сразу объяснил ей все. Она уже привыкла ловить на себе подобные взгляды мужчин – чужак просто хотел с нею полюбезничать. Уверенная, что без труда отобьется от молодого крестьянина, Монтале приняла его приглашение и уселась на облучок.

К ее изумлению, парень не стал сразу пытаться приобнять ее или как-то иначе распустил руки – он обстоятельно расспросил ее, почему это она в штанах, какого она рода, где живут ее родители и какой выкуп они захотели бы за нее. Монтале, поколебавшись, все-таки решила узнать, какой выкуп имеется в виду.

– За то, чтоб ты стала моей женой, конечно, – пояснил крестьянин.

Изумленная девушка, поколебавшись, все-таки призналась, что прибыла сюда из другого мира. Крестьянина, впрочем, это нисколько не удивило.

– Иномирянка? Вот почему в штанах... Так и что? – осведомился он. – У вас другие брачные традиции?

Монтале быстро поняла – парень не прикасается к ней потому, что в этом мире очень строгие законы. Слишком малой властью обладал он сам – вернее, совсем никакой не обладал, – чтоб без позволения прикасаться к чужому. Ее и успокоила, и насмешила его готовность завладеть ею по всем законам этого мира. Вытянув ноги, она лениво улыбнулась.

– Боюсь, у твоей семьи не хватит денег, чтоб купить меня в жены. К тому же я вряд ли гожусь на роль крестьянки.

– Но у меня полон дом сестер и невесток, – заспорил он. – Много ли тебе придется работать, а?

– Сколько бы ни пришлось – мне это ни к чему.

Парень еще пытался уговорить ее, но уже не столь пылко и не с такой глубокой уверенностью. В самом деле, для человека, чьи предки столетиями жили за счет собственного тяжелого труда на земле, в супруге не так важна красота, сколько трудолюбие и умение. И как бы ни выиграла в юноше кровь, практичность все равно окажется сильнее. Он может поддаться минутной слабости, но надолго ли хватит пыла, если в голову придут соображения иного порядка?

Она спрыгнула с передка телеги у поворота, там, где начиналась рощица, окружавшая первый домик из тех, что она собиралась обследовать. Помедлила у камня, отмечавшего границу участка, и двинулась вперед. Правда, не к первому домику, а ко второму – маленькому, ладному, под шатровой черепичной крышей, с милой пристроечкой вроде веранды. Перед домом был разбит цветник, а дальше теснились яблоневые и вишневые деревца. Все было ухожено и аккуратно.

Монтале сделала несколько шагов по усыпанной мелким гравием дорожке, и тут из дверей пристроечки выглянул молодой мужчина во всем черном. В руке он держал чашу, из которой, похоже, собирался что-то выплеснуть на пожухлый кустик у ступенек, но, выплеснув, следом отправил и саму чашу. Он смотрел на Монтале и, хотя она пока не могла разобрать выражения его лица, в ее груди что-то сжалось. Впервые в жизни она ощутила, что слабеет душой, и впервые слабость была для нее сладостна.

Она даже не заметила, как оказалась рядом с ним. Они стояли и смотрели друг на друга, не произнося ни слова.

Парень, одетый во все черное, оказался молод и весьма красив. Краем сознания Монтале, конечно, отметила, насколько он похож на Руина Армана. Пожалуй, он показался бы даже привлекательнее его, поскольку в его глазах не было холодности и бесстрастности правителя. Она помнила, как в первый момент ее испугали черные глаза Руина, – у этого молодого человека глаза были синие, как небо, и казались ласковыми, хотя он не улыбался. Незнакомец был прекрасно сложен, и это еще больше подчеркивала строгая черная одежда.

Его внешность поразила Монтале. Может, он даже не был так красив, как ей показалось, а может, красота на самом деле не имела никакого значения. Просто у девушки закружилась голова, и она протянула к нему руки, будто просила о помощи.

Молодой человек шагнул к ней и сжал ее ладони в своих. Его пальцы – длинные и аристократически изящные – оказались цепкими, хотя на его руках не было и намека на мозоли. Юноше явно не приходилось орудовать ни лопатой, ни мечом, а лишь приглядевшись к подвеске, висящей у него на груди, даже мало смыслящая в магии Монтале опознала бы артефакт, и догадалась бы, что он – маг. Но, какое бы недоверие ни испытывала девушка к чародеям, сейчас его занятие для нее не имело никакого значения.

Незнакомец обнял ее и привлек к себе. Девушка не сопротивлялась, потому что именно этого она желала. Потом мир вокруг поблек, и она спокойно подумала, что умирает – подумала без страха, даже с радостью. В такой миг не жалко было и умереть. Но ухоженный цветник и сад, исчезнув, сменились густой, яркой зеленью, лицо овеял свежий ветер, ароматный и чистый, где-то рядом зазвучала птичья трель, и пошатнувшаяся Монтале, которую спутник выпустил из своих объятий, с облегчением опустила на траву.

Она с восхищением огляделась – это был уголок луга на берегу ручья, уголок, плотно окруженный лесом. Мощные стволы возносили к безупречно-синему небу пышные кроны, и, разворачиваясь над головой, они могли бы, пожалуй, служить шатром. Правда, вряд ли защитили бы от сильного ливня, но на возможную непогоду не было никаких намеков, и уголок этот показался ей самым уютным во Вселенной.

Девушка обвела взглядом деревья и ручей, и снова взглянула на мужчину. Он уже сидел напротив и смотрел на нее затуманенным взором, в котором не было ни искорки вождения, а его Монтале так часто видела в чужих взглядах. Она успела к нему привыкнуть и устать от него, подобное чувство никогда не льстило ей, зато здорово раздражало. Незнакомец любовался ею, но это любованье не имело никакого отношения к телесной страсти.

– Я всегда мечтал тебя найти, – произнес он.

Его голос стоил его внешности – звучный и красивый. «Ему бы петь», – невольно подумала девушка.

Молодой человек больше ничего не сказал, да и она предпочла промолчать. Все становилось понятно само собой, без слов. Они смотрели друг другу в глаза и все понимали так. Они не могли видеть, насколько похожи друг на друга, потому что это познается только со временем, да и не без чужой помощи, но внутренне отлично чувствовали, насколько близки друг другу. И Монтале даже не пыталась задуматься – с кем она сейчас сидит в укромном закутке луга, – просто в ее душе царил уверенность, что она нашла того, кого искала.

Он протянул руку и погладил ее ладонь, потом и запястье. Она сама не заметила, как он оказался совсем близко, его дыхание коснулось ее щеки, и девушка прикрыла глаза. Ощущение сладостной истомы оказалось для нее неожиданным и непривычным, она порывисто вздохнула и прислонилась к его плечу. Молодой незнакомец осторожно запустил пальцы в ее волосы, и это было так приятно, что ей хотелось только одного – чтоб это продолжалось.

Монтале и не заметила, как они растянулись на траве, обнимаясь так крепко, словно кто-то, притаившийся рядом, собирался оттащить их друг от друга. Он мягко целовал ее лицо, и это ощущение оказалось на удивление приятным. Ее прежде никто так не целовал, а слюнявые губы прежних хозяев, упрямо тащивших ее в свою постель, конечно, вызывали у нее только отвращение и презрение. Девушка не задумывалась, что ее прежний опыт нельзя и вовсе считать опытом общения с противоположным полом, потому искренне считала, что не найдет такого мужчины, с которым ей действительно захочется быть вместе.

А сейчас ей хотелось быть с ним. Потому она сперва не обращала внимания на то, что он делает с нею, только покорялась, уже зная – он не причинит ей вреда. Но не прошло и получаса, как в теле Монтале вспыхнул настоящий пожар, какого она прежде не знала, и тогда она сама набросилась на спутника, когда помогая ему, а когда и мешая. Она не знала толка в ласках, потому иногда действовала неловко, и он, не противореча ей открыто, лишь слегка подправлял.

Потом они долго лежали, обнявшись, остывая, будто пытаясь понять, хочется ли им еще, или пока достаточно. Впервые в жизни Монтале хищно прикидывала, что бы ей еще хотелось повывторять с этим мужчиной. Несколько минут назад лиственный шатер отразил в землю ее крик, вызванный не болью, а наслаждением, теперь все тело ломилось от желания еще раз испытать что-нибудь подобное, и именно с этим мужчиной.

Она прижала ладонь к груди и вдруг расхохоталась. Лежащий рядом мужчина поднял голову и вопросительно посмотрел на нее.

– Я полагаю, – едва подавив вспышку неудержимого веселья, пояснила она, – что теперь, пожалуй, можно было бы и познакомиться. Как ты на это смотришь?

– Пожалуй, – согласился он, улыбнувшись. – Кто начнет?

– Думаю, стоило бы тебе.

– Ладно. Меня зовут Эвердейл.

– А меня – Монтале. Привет.

– Привет, – выдавил он и тоже расхохотался. Откинулся на спину. – С ума сойти...

– Не ожидал такой реакции на красивую девушку?

– Я достаточно владею собой, чтоб не удивляться своим поступкам, – твердо ответил Эвердейл. И, повернув к ней голову, добавил: – Но тебя я всегда мечтал найти.

– Такую, как я?

– Нет. Именно тебя... – Он помолчал. – Ведь ты – моя сестра. Ты не знала? – спросил он, взглянув на притихшую Монтале. Потом его взгляд скользнул по ее обнаженному плечу и груди, по розоватым ожогам клейм и серебристым полоскам шрамов, как от оружия, так и от кнута. Ничего не сказал, только со вздохом провел по ее коже ладонью. – Прости... Мне следовало сказать раньше.

Но девушку вовсе не шокировало то, что подобное произошло между нею и ее собственным родным братом, более того, близнецом. Всею своей жизнью она была приучена равнодушно пропускать мимо сознания любые стереотипы, и законы устанавливала сама для себя. К тому же в мире, где она выросла, кровосмесительные браки были вполне допустимы, правда, исключительно для правителей или высшей знати. Желая обезопасить себя от династических претензий других семейств, правители всех мастей нередко брали в жены собственных сестер.

К тому же Монтале вовсе не хотелось думать о такой ерунде. Она наконец-то была рядом с человеком, который был ей так нужен. И раз уж связь с ним была ей так приятна, то, значит, ничего плохого в этом и нет. Завернувшись в рубашку – не от смущения, а от ветерка, который заставлял шелестеть листву над головой и тревожил ее кожу, покрывшуюся мелкими капельками пота, – девушка пристроила голову на плечо Эвердейла.

– Ты знал о том, что у тебя есть сестра?

– Нет. Лишь чувствовал. И понял совсем недавно. Я пытался узнать, где искать тебя, но не так просто узнать это, даже если владеешь должной магией.

– Я представляю, – она рассмеялась. – Нет, не представляю. О магии я не знаю совсем ничего.

– Магия – это самое главное в жизни, – глухо произнес он и, покосившись на девушку, добавил: – После любви, конечно. Особенно если этой любви тебе не хватает.

– А если хватает, тогда она перекочевывает на второе место? – рассмеялась Монтале.

– Конечно. Женщины именно так и говорят о мужчинах – что те не способны самозабвенно любить.

– Предпочитаешь не спорить?

– Зачем огорчать женщин? Пусть считают, что они правы.

Теперь они смеялись оба – девушка заметила, что Эвердейл смеется очень странно, словно бы принужденно, но ей это даже понравилось. Она и сама не задумывалась, почему, а если б задумалась – догадалась бы, что ей просто нравится в нем все. Буквально все, любая черта, даже не очень ласковая.

То, что на ласкового любовника он не был похож нисколько, она заметила сразу. Предпочитал молчать там, где следовало бы говорить, и хранить невозмутимость там, где хорошо было бы улыбнуться. Улыбался он неохотно, но всегда особенно. Его улыбка могла покорить сердце любой женщины, потому что в ней, как и во взгляде, была сила. Но Монтале и это нравилось тоже. Она знала, что своим взглядом способна покорить очень многих, ей приятно было думать, что с этим мужчиной подобный номер не прошел бы. Они были равны по силе, и им не было нужды состязаться.

Разглядывая своего брата, девушка снова подумала о том, насколько он похож на Руина Армана, правителя того мира, который ей удалось посмотреть, и еще двух других, если можно ему верить. Действительно очень похож. Настолько, что можно подумать, будто правитель ему не дядя, а отец или старший брат. Интересно, какова его сестра.

– Мне нужна твоя помощь, – вздохнув, проговорила она.

– Я рад буду помочь. А чем?

– Ты маг?

– Тебе нужна магическая помощь?

– Нет. Мне нужна мужская поддержка. Просто... Видишь ли, я правлю в другом мире. И мне нужен совет, нужно... Мне нужно привести мир в порядок после долгой войны и беспорядков.

– Помогу. Чем смогу, конечно, потому что мало понимаю в управлении государством, – Эвердейл усмехнулся. – Дело нелегкое, сразу можно сказать. Поэтому я тебя одну не оставляю, конечно. Вдвоем, думаю, нам будет легче разобраться.

– Не оставишь?

– Ни за что. Теперь мы всегда будем вместе, – он обнял ее и осторожно коснулся губами ее лба.

Глава 2

Крыша террасы – железная, но искусно сделанная и окрашенная под черепицу, была нагрета солнцем, да так, что не каждый бы решился лежать на ней. А Эмите даже нравилось. Она валялась на самом краю крыши, у водосточного желоба, словно и не боялась свалиться. Впрочем, почему «словно»? Подобной ерунды она давно уже не боялась.

Она совсем недавно зажила своим домом, и это удовольствие еще было для нее внове. Домик Эмита купила маленький, всего на три комнаты, но пока ей было вполне достаточно. Вернее, ей и тому мужчине, с которым она решила создать семью. Заключить брак пока не удавалось, и все из-за сложностей с документами. Не так-то просто по нынешним временам черному магу добиться в Центре хотя бы статуса эмигранта.

Вспомнив о документах, она нахмурилась, перегнулась через край крыши и заглянула на террасу.

– Рино! Рино!

– А?

Ринальдо выглянул с кухни и, увидев голову невесты, свисающую с крыши в ореоле зелени, как декоративная тыква, охнул.

– Да ты что? С ума сошла? Свалишься!

– Не смонтировали еще ту крышу, с которой я могу свалиться... Не уводи разговор от главного! Ты написал заявление?

– Весь в процессе, – и он помахал в воздухе шариковой ручкой, зажатой между двух пальцев. Потом задумчиво почесал ею в ухе. – Сказать по правде, не такое это простое дело. Ума не приложу, что б такое соврать. Просто хоть ложись и помирай.

– Ну, смотри, конечно... Что кому нравится.

– Я уже начинаю сомневаться, что мне это действительно надо. Зачем только согласился! – пошутил Ринальдо.

С крыши донесся заразительный смех. Уцепившись за фигурную балясинку, Эмита красиво упала вниз. Приземлилась, разумеется, на ноги, причем довольно мягко, хотя ее молодой человек и вскрикнул испуганно и вполне серьезно.

– Да кто ж это тебя спрашивал? Я, помнится, тебя похитила. Похищаемых вообще-то не спрашивают.

– Я думал, у нас было похищение по взаимному согласию, – ответил удивленный Ринальдо. – И вообще, не прыгала б ты так. Рано или поздно свернешь себе шею.

– Похищение по взаимному согласию! – проигнорировав вторую часть фразы, отозвалась она и снова рассмеялась. – Какой образ!

Молодой человек вертел в пальцах ручку и улыбался ей в ответ. Он был точно с нее ростом и ничуть не крепче на вид. По комплекции и, пожалуй, даже по внешности и повадкам они были родственны, словно близнецы. Очень странной казалась эта пара, и в то же время, лишь взглянув на них, человек, опытный в жизненных перипетиях, сразу сказал бы, что они идеально подходят друг другу, и у них должна быть счастливая супружеская жизнь.

История их знакомства сама по себе была незаурядна. Эмите никогда и не снилось, что она вывалится на будущего мужа из засбоившего портала, и по крайней мере минут пять они будут старательно мутузить друг друга. Кстати, без особого результата. В этой схватке быстро выяснилось преимущество Эмиты, но она была здорово ошеломлена и к тому же совершенно не желала причинять вред хозяину замка. Хотя бы до тех пор, пока не узнает, кто он такой. А Ринальдо, пытаясь скрутить незваного гостя, вдруг понял, что, сидя за схемами и проектами, здорово потерял форму и почти разучился драться.

Потом, выяснив, что причиной всему стало простое недоразумение, они не без приятности поужинали на замковой террасе. Прежде Рино был свято уверен, что девушка его мечты должна обязательно походить на Моргану – трогательная, трепетная, изящная... Прелестная. Эмита не была ни трепетной, ни прелестной, ни изящной, ни просто красивой, и прелестной ее бы вряд ли назвали, потому что она выглядела слишком крупной и крепко сбитой. А еще слишком уверенной в себе – никому не пришло бы в голову кидаться прикрывать ее собой.

Впрочем, Ринальдо скоро оценил красоту ее гибких грациозных движений. Эта девушка знала толк в драке, была прекрасно тренирована – и двигалась потому не хуже иной танцовщицы. Правильные черты ее лица нисколько не напоминали изысканную прелесть Морганы, но в них Рино увидел что-то другое, особенное и тревожащее. В тот вечер он расстался с нею без сожаления, но каждый день вспоминал нечаянную встречу и необычную гостью.

Поэтому, когда Эмита появилась в его замке снова, искренне обрадовался, и воспринял ее действия как милую шутку. Она же, едва нашла на острове местного хозяина, тут же схватила его за руку и дернула в портал. Потом она объяснила ему, что тоже много дней думала о нем и решила, что упускать возможности такого интересного знакомства неразумно. А продолжить его приятнее на своей территории, к тому же она должна вернуть ему визит и угостить центритской наливкой – самой лучшей во Вселенной.

На самом деле Эмита просто привыкла всегда решать свои проблемы самостоятельно. Встретив мужчину, который произвел на нее впечатление, она думала недолго. Мужчине в подобной ситуации следовало всеми силами стремиться продолжать знакомство, и она, поскольку была воспитана мужчиной, взялась за дело самостоятельно, не ожидая, что ситуация разрешится сама собой. Решительность и напор девушки развеселил и, пожалуй, заинтересовал Ринальдо – он любил необычных женщин.

А потом Эмита увлекла его. Молодой человек вдруг понял, что под маской уверенной в себе и решительной женщины прячется мягкая, чем-то напоминающая Моргану юница, которая не так уж уверена в себе и не так уж неуязвима. Ее хотелось защитить – она слишком плохо знала мир и его тягостные «сюрпризы», принимала слишком близко к сердцу то, что, пожалуй, можно было бы и выкинуть из души и памяти.

К тому же черный маг успел устать от Черной стороны. Центр, созерцаемый издалека, казался намного привлекательнее и уютнее. В конце концов, почему бы не попробовать, подумал Ринальдо, разглядывая домик, в котором оказался, вывалившись из портала. Он снисходительно принял смущенные объяснения Эмиты, а то, что произошло потом, порадовало обоих. Молодой человек поддался на уговоры девушки переселиться на Белую сторону потому, что и сам желал этого. Теперь он ходил под защитой артефакта, сделанного им самим, чтоб обезопасить себя от воздействия «белого» магического фона, и ждал, пока у Мэрлота Мортимера появится время, чтоб побеседовать о нем с Лоанаро Алзара – патриархом единственного клана, обладающего магической техникой для смены магической полярности.

Рино терпел. В конце концов, как оказалось, белая магия наносила его энергетике не такой уж значительный вред, и артефакт защищал его прекрасно... Вернее, защищал бы, если б не приходилось постоянно его регулировать. Молодой человек вполне отдавал себе отчет в том, что сам виноват, и не было бы никакой проблемы, если б он в свое время, как положено, довел работу до конца. Но интерес к уже сделанному открытию и полученному результату давно угас, и Ринальдо предпочитал каждый день корректировать данные артефакта, нежели тратить время на его доделку.

Переговоры с главой клана Алзара шли ни шатко ни валко, а молодой человек тем временем вполне счастливо жил с Эмитой в ее домике. Тот уже ей достался таким необычным – отделанным под старину, окруженным густой, хоть и маленькой рощицей фруктовых деревьев, которая надежно хранила его обитателей от вмешательства соседей в их личную жизнь.

Разговор о браке пошел сразу же, как только Ринальдо обосновался в гостях у центритки. Естественно, ведь инициатива исходила от девушки, а она на примере отца привыкла воспринимать жизнь очень просто: любишь – так женись или выходи замуж, уж как получится. Чего тянуть? Молодой человек немного опешил, получив от милой похитительницы конкретное и довольно прямолинейное предложение пожениться. Странно было вести с девушкой разговор, начавшийся подобным образом, но, поразмыслив, возразил только в одном:

– Ты сама подумай, надо ли это тебе. Ведь детей у нас с тобой не будет. Я – иномирянин, человек из мира другой структуры, и, как понимаю, мой генотип отличается от генотипа местных. С местными девушками у меня не получается заводить детей.

– А ты что – пробовал?

– Конечно, пробовал.

– Именно детей?

– Нет. Но от любовных увеселений бывают дети. А у моих подружек – не было.

– Нашел, на что ссылаться. Разве на Черной стороне нет контрацептивов? Или тамошние девушки ими не пользуются? – она лукаво улыбнулась. – Или ты забывал спрашивать?

– Разве ты не знаешь? Контрацептивы на Черной стороне не в ходу. Есть только магические средства, и только у тех, кто может себе подобные изготовить.

– Странно, что никто из наших родственников-Мортимеров еще не наладил там коммерцию – продажа контрацептивных артефактов на любой вкус.

– Это белые-то маги? Что они смогут изготовить для черных? Электрический стул?

– Ну, так и что? Пусть Мортимеры белые, но перестройка-то заклинания на что? Простейшая перестройка заклинания по основным точкам схемы на диаметрально противоположную... Я в этом мало что понимаю, я не маг. Но такое делается.

– Да? – заинтересовался Рино. – Надо будет посмотреть.

– Потом посмотришь. Что же касается детей, то я еще не решила, стоит ли мне вообще их заводить. Пока. С моей-то профессией. Да ладно, я бессмертная, времени впереди много...

– Постой. Что за профессия?

– Во! Проснулся. Самое время узнать, чем занимается твоя невеста. Я – военнообязанная и как раз сейчас, закончив соответствующее учебное заведение, собираюсь поступать в войска спасения – те самые, которые курирует отдел чрезвычайных ситуаций при Блюстителях Закона.

– А зачем тебе это нужно? – спросил ошарашенный Рино. – Неужто денег мало?

– Нет. У меня избыток патриотизма. Бывает такое заболевание.

– Да уж... Действительно заболевание. Совсем беда... Но ты же можешь погибнуть!

– А тебе может на голову кирпич свалиться. И что? Что из того?

– Но твои шансы получить «кирпичом» по голове значительно повысятся, если ты будешь воевать.

– Ох, как все относительно в этом мире. Вот, посмотри на моего отца. Он занимается самым опасным делом во Вселенной. И ничего, жив. Даже вполне упитан.

– Не сравнивай себя с отцом. Он – отличный воин, опытен в этих делах. И потом... Он – Мортимер! – заявил Ринальдо – и запнулся. Он хотел намекнуть, что представители клана Мортимер умеют выворачиваться из любой ситуации, но вспомнил, что Эмита типажем пошла в батюшку, и, как следствие, обладает всеми теми же свойствами.

– Теперь уже нет. Двадцать лет, как Арман.

– Да? Тоже? Но он же не черноволос, как его братья и сестра.

– И что? Как и у отца, у него «мерцает» ген. А это важнее любого цвета волос.

– Я никогда не пойму ваших центритских «генных» премудростей. Что значит – «мерцает» ген? В темноте светится, что ли?

– Хорошая шутка. К сожалению, не совсем. «Мерцание» гена означает изменение того генетического стандарта, по которому представитель клана к клану, собственно, и относится.

– Слишком заумно, – отмахнулся Ринальдо. – Ладно. Пусть будет так, как тебе хочется.

На том вопрос женитьбы, детей и Эмитиной работы был на время закрыт. Да и есть ли смысл представителям разных, по сей день враждебных государств говорить о браке, пока чиновничество одной из сторон не готово было предложить какое-нибудь решение? Не заботясь о срочном поиске работы для себя, Рино увлеченно занялся магическими исследованиями – Эмита, весьма щедро обеспеченная богатым отцом, без возражений отсыпала ему на это достаточно средств. Молодой человек успокаивал себя надеждой, что одно-два ближайших открытия озолотят его, и потому без стеснения и сомнений тратил деньги невесты.

Идеи его и в самом деле были довольно интересны.

А потом в один прекрасный день Эмита, которой перед поступлением на службу осталось пройти последний этап медкомиссии – «пустая формальность», как ей объяснили – ворвалась в дом, размахивая каким-то листочком бумаги, и с ходу выдернула жениха из-за рабочего стола. Он было заворчал, но, увидев, какой яростью пылают глаза девушки, забыл о прерванной череде размышлений и вопросительно поднял бровь.

– Что случилось?

– Ты обещал, что у меня не будет детей! – завопила она. – Обещал!

– Конечно, обещал. Что ж поделаешь...

– Так какого хрена я беременна? А? Какого хрена?! Меня отправили обратно! Посоветовали прийти годиков так через пять-шесть, пообещали, что возьмут обязательно. Но не теперь.

– А что, беременность – противопоказание для службы в войсках спасения?

– Конечно! Идиот! Там же предельные нагрузки!

– А... это... бумажки в офисе перекладывать?

– Какие бумажки? Я хотела быть боевиком, а не писарем.

– Ну, какая разница? Побудешь годков пять-шесть писарем, там, глядишь, и до боевика дослужишься.

– Издеваешься?

– Почти нет. Вот чего тебе приспичило служить там в самом деле?.. Вот этого я не понимаю. Я только рад, что этот бредовый план благополучно накрылся медным тазом... Подожди, ты от меня ждешь ребенка?

– Боже мой, все мужики такие идиоты, а?

– За всех не ручаюсь, но... Постой, но я же не могу иметь детей.

– Да что ты говоришь!

– Но... это же невозможно.

– Ты сомневаешься, что я тебе не изменяла?

– И даже не думаю. Просто... Не понимаю.

– Если сомневаешься, можно сделать генетический анализ.

– Я не хотел тебя обидеть! – поспешил заверить Ринальдо, как только заметил, что Эмита надулась и смотрит на него неласково. – Просто я... удивлен. Но если так... Если я ошибся... То это же... Это же прекрасно! У нас будет малыш, и...

– Ну, заканчивай, – враждебно предложила она. – Заканчивай. И я не буду служить в войсках спасения? Верно?

– Ага, – легкомысленно признался он. – Я ужасно рад... – Она накинулась на него и принялась шутливо тужить его кулаками. Девушка осторожничала, но кулаки у нее были очень жесткие и уверенные, и пару раз они пришлись по чувствительным местам. Молодой человек покорно опрокинулся на диван и весело забарахтался. На болезненные пинки он не обращал внимания. – Дорогая, ты оставишь нашего малыша без отца... Пощади!

– Никакой пощады вероломцам!

– Ох!.. Я тебя тоже очень люблю. Только не перетрудишься, вышибая из меня дух... Ох!.. Тяжелый труд вреден женщинам в интересном положении.

– Засранец, – Эмита последний раз ткнула его кулаком и повалилась рядом. Вдохнула. – Ладно. Теперь тебе намного проще будет получить гражданство.

– В смысле?

– Ты будешь отцом центритского гражданина. Притом несовершеннолетнего. Тебе непременно дадут статус мигранта хотя бы затем, чтоб ты платил алименты.

Ринальдо фыркнул и отправился заканчивать расчеты. Ведь чтоб кормить ребенка, нужны деньги, а их необходимо заработать. Например, продав патент.

Теперь Эмита ничего не делала и частенько валялась на крыше террасы, хотя жених всякий раз выговаривал ей, мол, что это за занятие для беременной женщины? Она лишь отшучивалась, или вовсе игнорировала его замечания. Конечно, молодая женщина понимала, что теперь следовало бы воздерживаться от серьезных нагрузок, и потому тренировалась лишь раз в день, и то слегка, но не видела, чем лазанье по крышам может быть опасно. Искренне не видела.

Как большинство ширококостных, крепко сбитых и гармонично развитых здоровых женщин, она не испытывала особых неудобств от беременности – ее не тошнило и не мутило, не кружилась голова, она чувствовала себя, может быть, лишь чуть хуже, неувереннее и слабее, чем обычно. Поэтому, пока не начал хоть немножко расти живот, ощущала себя совершенно как всегда.

Первое, что спросил ее отец, как только узнал о положении дочери:

– Кто будет?

– Врачи говорят – мальчик.

– Ишь ты!

– Представляешь! Рино мне клялся-божился, что не может быть детей, а тут... мальчик.

– Шустрый какой пацан. Завелся вопреки всем ожиданиям. Ну, точно, нас так просто не возьмешь. И молотком нас не убьешь.

– Это Мортимеров молотком не убьешь.

– А мы, Арманы – Мортимеры в квадрате. Недаром мои бабка и дед – из одного клана. Вот что бывает, когда взрывные родственники заводят отпрыска... Попомни мои слова, у тебя получится отличный шустрый мальчуган. И нечего нос дуть. Нароботаешься еще. Да ты и раньше себе приключения найдешь, без всякого войска спасения.

– Как же...

– Именно так. Ну-ну, хватит. Придумали, как назвать?

– Рино говорит, мальчика назовем Дэвидом. Он говорил, у него на родине – это очень далеко отсюда, чуть ли не в другой Вселенной, короче, у черта на рогах – был такой чародей, Дэвид Ка. Очень любил разные фокусы демонстрировать. Например, из запертого сейфа выбирался.

– Подумаешь. Простейшая микротелепортация. Или магическое микроиндуцирование.

– Это еще что за зверь? Впрочем, неважно. Тут сложнее. Рино говорит, у них там не было магии.

– Да? Вообще? Тогда как же этот Дэвид Ка из сейфа выбирался? Фокусы, наверное. Ладно. Дэвид, так Дэвид. Хорошее имя.

Эмита вспомнила этот разговор и заулыбалась. По совету отца она все-таки наведальась в детский магазин, осмотрела коляски, кровати, всякую мелочевку, и даже выбрала там что-то для будущего малыша. Потом постепенно втянулась в круг соответствующих мыслей и образов. И вдруг – захотела ребенка. Она восприняла это удивительное чувство сперва с недоумением, а потом с радостью. Тем более, Ринальдо с постоянным опасением поглядывал на невесту, словно ожидал, что она в любой момент может пожелать избавиться от плода. Надо же было его успокоить, объяснить: подобные идеи ей, конечно, и в голову не приходят. Теперь она переносила свое положение терпеливо и даже с интересом – а что будет дальше?

– Теперь, когда ты ждешь от Рино ребенка, не стоит торопиться с этими бумажками, – сказал Мэлокайн, когда дочь все-таки принесла ему вымученное женихом заявление. – Я знал, где и кого надо подмазать, чтоб подобное прошение было удовлетворено, но только при прежних Блюстителях.

– Можно сообразить по аналогии.

– Не-а. Не решусь подмазывать Драконов Ночи. Бог их знает, как они на это отреагируют. А более младшие чины просто не решатся. Новая метла, недавно – по меркам бессмертных – начала мести, еще пока лютует. А когда ты родишь, не будет ничего проще, как предъявить суду младенца, нуждающегося в содержании. Тут заявление Рино на гражданство будет как нельзя кстати. На него посмотрят благосклонно.

– Надеюсь, надеюсь, – Эмита задумчиво посмотрела на отца. Она собиралась расспросить его о детях, но тут сообразила, что с любым вопросом на эту тему лучше обращаться к мачехе. Кого из отпрысков Мэлокайна ни возьми – Майден, Дэннат, Амаранта – все росли в отсутствие папаши. Да и она сама... Почти...

– Ты о чем-то хочешь спросить? – проницательно предположил он.

– Да не то чтобы... Пожалуй, да. Мне кажется, у тебя настроение... не ахти. Что-то случилось. Да?

– Нет. Нет-нет. Ничего не случилось. Я не в тревоге, а, пожалуй, в растерянности. В недоумении.

– Что такое?

– Видишь ли... Я привык быть ликвидатором. Я уже больше семидесяти лет ликвидатор. И, конечно, все ощущения знаю назубок – и когда чувствую рядом вырожденца, и когда надо отправляться искать «клиентов», и когда опасность подстерегает за углом. Если я долго бездельничаю, меня рано или поздно начинает тянуть в дорогу, на поиск. Ну, ты знаешь, я тебе рассказывал.

– Рассказывал.

– А сейчас – ничего. Пусто. Такое впечатление, что во Вселенной вообще не осталось вырожденцев, и мне некуда идти. Некого искать. Но я же знаю, что это не так. И еще какое-то смутное, странное ощущение. Наводит на мысли... Неприятные... – он посмотрел на нее.

Она смотрела на него.

Между ними возникло что-то. Натянулось, как струна, спутало обоих, облекло сознание, чувства и мысли. На миг у обоих не оказалось никаких мыслей, и они ощутили с ужасом и восторгом, насколько они оба похожи друг на друга. Они не просто были отцом и дочерью, любящими друг друга со всей искренностью. Эмита каким-то непостижимым образом повторила в себе своего родителя, и не только внешне или по характеру – по душевной организации. И теперь они оказались вдруг близки настолько, насколько близки могут быть разве что близнецы. Или счастливые супруги после многих лет брака.

Они тонули во взгляде и душе другого. На какой-то миг сознания их объединились в одно. Эмита увидела, какая глубочайшая любовь к жене живет в ее отце, и дала себе клятву больше не ревновать к мачехе – пусть отец будет с ней счастлив так, как ему хочется. А Мэлокайн прозрел всю тоску своей дочери: тоску по любви и признанию, тоску по душевной близости с человеком, который бы увидел за ее жесткой внешностью нежное сердце, такое ранимое и слабое.

Они оказались связаны столь тесно, что никаких слов было не нужно. Не до слов и не до объяснений.

– Теперь ты... – проговорил Мэлокайн, чувствуя себя не в силах предотвратить то, что должно сейчас произойти, и закашлялся. У него округлились глаза, но не от удивления – от душащего ужаса.

– Продолжай, – мягко попросила молодая женщина, складывая руки на округлившемся животе. – Продолжай.

– Я... не могу.

– Ты должен.

– Я не могу.

– Продолжай, – это прозвучало уже намного жестче.

– Как же... я смогу? Взвалить на тебя такое бремя? На тебя?

– А разве ты можешь этого не сделать?

– Я...

– Все уже решено. Все уже свершилось. Говори.

– Теперь ты... ликвидатор. – Он помолчал. Прокашлялся. – Но это невозможно.

– Невозможно, но есть.

– Так нельзя.

Они смотрели друг на друга. Они понимали все без слов.

Теперь Мэлокайн и сам чувствовал, как его оставила угнетающая его тяжесть, к которой он уже почти привык, а теперь ощущал странную легкость, от которой кружилась голова. От наполнившей его легкости немного мутило, и никуда уже больше не тянуло, ничто не требовало его себе без остатка. Мэл привык постоянно быть готовым нестись неизвестно куда, и там, убивая, делиться с вырожденцем кусочком собственной души. Но сейчас ничего подобного от него больше не требовалось. Он был свободен.

Но эта свобода его не обрадовала. Вместе с неосознанным облегчением его сердце затопило горе. Он смотрел на дочь, у которой уже был хорошо виден животик, и, хотя понимал, что ни в чем не виноват перед ней, поскольку здесь его воля не играла никакой роли, ему хотелось загрызть себя самого. Или сделать еще что-нибудь. Только б Эмите не пришлось окунуться в то зловонное болото, из которого он только что вылез. Все, что угодно – только не это.

Отчаяние захлестнуло его с головой, и если он немедленно не предпринял каких-нибудь действий, причем самых бестолковых, то лишь потому, что до конца не поверил в случившееся. Такого не могло быть просто потому, что не могло быть никогда. Ошеломленный, Мэл смотрел в ласковые глаза дочери и молчал. Никакие слова не приходили в голову.

Эмита вдруг улыбнулась с такой нежностью, что ему захотелось завывать.

– Я люблю тебя, папа, – сказала она просто.

Наверное, лучше б ей было этого не говорить. Горло Мэлокайна скрутила такая тоска и ярость, что если б кто-нибудь посторонний появился в поле его зрения, тому бы наверняка не поздоровилось. Перед глазами помутилось, но муть сразу растаяла, и вернулась кристальная ясность восприятия, которая обычно посещала Мэла в критические минуты, в моменты наивысшего напряжения душевных и физических сил. Окружающий мир он воспринимал настолько обостренно, что даже у воздуха в этот миг нашел какой-то вкус.

Он вскочил, заметался по комнате, едва не сшибая мебель, будто искал что-то, и остановился лишь для того, чтоб бросить:

– Это не должно было закончиться так!

– Папа, но так получилось.

– Немыслимо! Просто невысказанно...

– Ты уже ничего не сможешь изменить. Да и с самого начала не мог.

– Это-то я понимаю. И именно это меня бесит.

Эмита развела руками. Ее спокойствие вызывало у Мэлокайна раздражение, потому как она не понимала, что на самом деле представляла собой работа ликвидатора. Он не хотел, чтоб дети и жена знали, что именно ему приходится делать, и вряд ли понимал – они так или иначе обо всем догадываются. По крайней мере, все в семье знали, что после работы его не

стоит трогать – пусть сам отходит потихоньку. Первые часы они даже на глаза ему избегали появляться – чтоб не напрягать.

Впрочем, раздражение быстро оставило Мэла – разве трудно было понять, что в отношении Эмиты подобное чувство просто несправедливо?

– Это невозможно, – вздохнул он.

– Что?

– Ну, как ты можешь быть ликвидатором? Насколько я знаю, в истории Астердана никогда не бывало ликвидатора-женщины.

– Насколько я знаю, список ликвидаторов был начат после первого Совета патриархов, когда кланы объединились, а это произошло всего-то три тысячи лет назад. Что происходило до того, и кто был ликвидатором в те времена, никто не знает. Может, среди них встречались и женщины.

– Это маловероятно.

– Почему? Женщины куда лучше мужчин умеют любить.

– А при чем тут это?

– Но ведь нужно же обладать особым даром, чтоб суметь полюбить того, кто вызывает такое отвращение. Я имею в виду вырожденца. Как иначе, если нужно поделиться с ним своей душевной силой?

Мэлокайн замер. Повернул к дочери голову.

– Откуда ты знаешь?

– Что?

– Откуда ты знаешь, как происходит ликвидация?

Эмита пожала плечами.

– Догадалась.

– М-да, – он крепко поскреб затылок. Помолчал, обдумывая ситуацию. Как всегда, после вспышки активности на него навалилась апатия и тугомыслие. Идеи ворочались в голове, как морские котики на лежбище. – И что же ты теперь собираешься делать?

– Явиться к новым Блюстителям Закона и заявить о своем существовании.

– Но ты же в положении, Эмита!

– Я же не собираюсь сразу отправляться работать. Попрошу декретный отпуск. Просто хочу подстраховаться на случай, если неожиданно столкнусь с вырожденцем на улице. Чтоб никому не пришлось в голову судить меня за убийство.

Мэлокайн только развел руками в ответ.

А что он мог возразить? Дочь рассуждала очень разумно.

Эмита действительно явилась в метрополию Драконов Ночи, причем на следующий же день. Теперь здесь вовсю кипела жизнь, особенно в административном крыле. Постоянно кто-то приезжал, кто-то уезжал, по коридорам носились курьеры с кипами бумаг, и на Эмиту здесь смотрели, как на нечто постороннее и очень мешающее работе. Косились раздраженно, но ни о чем не спрашивали, отлично понимая, что лишнего посетителя обязательно завернут в канцелярии. Для того там и сидит аж целый десяток секретарей.

Надо заметить, что, несмотря на обременительную работу и обилие посетителей, секретари были вполне вежливы. Первым делом предложив посетительнице присесть, ей предложили холодного чая – на улице стояла жара, и женщины, работающие в большом помещении, снабженном мощным кондиционером, конечно, прониклись сочувствием к беременной, которая вынуждена таскаться по канцеляриям, улаживать какие-то дела – и только потом спросили, что угодно. Эмита попросила встречи с Лээром Вихрем Драконом Ночи Блюстителем Закона. Именно он работал с ликвидатором – она знала от отца – и составлял списки на ликвидацию.

Секретарши очень удивились. Они не понимали, конечно, что беременной могло понадобиться от Лээра, но без возражений провели посетительницу в его кабинет, убедившись, конечно, что Дракон Ночи не занят.

– Добрый день, – поприветствовала Эмита, входя и садясь в кресло.

– Приветствую, – ответил Вихрь, невольно поморщившись.

Он был уверен, что отлично понимает, зачем сюда явилась посетительница. Наверняка в списках есть либо ее старший сын, либо муж, либо другой родственник. Разумеется, она пришла просить за него, решил Лээр. Пришла, уверенная, что ее живот является достаточным веским основанием для исключения вырожденца из списков на ликвидацию. Дракону Ночи уже приходилось общаться с подобными посетительницами, хоть это и было томительно.

– Слушаю, – произнес он.

– Я пришла за очередным списком.

Лээр непонимающе воззрился на женщину.

– За каким списком?

– На ликвидацию, конечно. Отец говорил, что последний список он сдал, а новый пока не успел взять.

Дракон Ночи немного помолчал.

– Я чего-то не понимаю?

– А чего тут не понимать? Ликвидаторы время от времени меняются.

– Вы хотите сказать, что вы сменили на этом поприще Мэлокайна Мор... Мэлокайна Армана? Вашего отца, правильно?

– Абсолютно.

– М-да, – Лээр посмотрел на молодую женщину как-то странно, очень пронзительно и оценивающе. Он прекрасно владел собой и очень быстро соображал. – Понимаю. Вам надо будет пройти обследование, как положено. Его в свое время проходил и ваш отец. Он, наверное, вам не рассказал. Но так положено. Видимо, вы будете проходить это обследование несколько позже, – он деликатно посмотрел на ее живот. – Месяцев через... э-э... Или даже через год?

– Что за обследование? – удивилась Эмита. – Медицинское? На профпригодность?

– Нет. Конечно, нет. Никто не собирается спорить с системой, которая сама определяет преемника прежнего ликвидатора. Но вы же должны доказать, что являетесь преемником. Я же юридически не могу верить вам на слово.

– Тогда, получается, я еще год не буду ликвидатором?

– А куда вы торопитесь? Работа трудная, грязная, – Лээр Вихрь даже поморщился. – Если б была возможность, вас без возражений избавили бы от этой обязанности.

– Но подобной возможности нет. А что я буду делать, если завтра столкнусь с вырожденцем на улице? Как оправдываться на суде, когда меня обвинят в убийстве?

– Да уж, – Дракон Ночи слегка растерялся. – Пройти проверку сейчас? – он смерил ее фигуру оценивающим взглядом. – Но это невозможно.

– Почему?

– А вам ребенка своего не жалко?.. Ну, найдем выход. Я сегодня же поставлю этот вопрос перед патриархом.

– И?

– В случае чего вам действительно придется отвечать перед судом, но установить, убили вы человека или ликвидировали, можно будет при помощи простейшей магической экспертизы.

– Вы меня успокоили, – криво хмыкнула Эмита, поднимаясь с кресла. – Но совсем слегка.

– Подождите, – Дракон Ночи зашарил по столу. – Пойдите. Ваш отец не может прийти ко мне?

– Подтвердить, что он больше не ликвидатор?

– Нет. Во-первых, получить компенсацию, а во-вторых, оформить кое-какие документы. Но он не может сам, да?

– Может. А почему б ему не мочь?

– Все знают, что случается с ликвидаторами после того, как они завершают свою деятельность, – Лээр деликатно покачал головой. – Я понимаю, что Мэлокайн...

– Да все с ним нормально, – заволновалась Эмита. Она припомнила многое из того, что слышала о закончивших свою деятельность ликвидаторах, в том числе от отца, когда у него случались приступы меланхолии, и испугалась. По всему выходило – с ее батюшкой вот-вот должно было произойти нечто подобное.

– Вы уверены? Может, ему все-таки лучше пройти обследование? А потом мы можем предоставить ему путевку в отличный санаторий. Может, его состояние и в самом деле будет лучше, чем у остальных бывших ликвидаторов? – и Лээр сочувственно посмотрел на молодую женщину. Протянул ей листок бумаги. – Я думаю, поставить за него подпись вполне сможет отец, Мэльдор Арман. Вы сообщите ему, или мне сообщить?

– Дедушке? Я сама сообщу.

– Хорошо... Да вы не волнуйтесь. Может, обойдется?

Мэлокайн действительно несколько не напоминал умалишенного. Он перестал быть ликвидатором и пребывал в состоянии, сходном с глубокой депрессией, но на происходящее вокруг реагировал вполне адекватно и вовремя. Эмита, побеседовав с дедом, без труда уговорила отца обследоваться в клинике за счет клана Драконов Ночи. Результат обследования удивил врачей и обрадовал всех Арманов – у Мэлокайна нашли лишь тяжелый невроз, самый обычный, вполне поддающийся лечению.

Мэл, которому Эмита прочла диагноз с листа, развел руками.

– Никто не знает, когда у бывших ликвидаторов начинается отруб мозгов.

– А он обязательно начинается? Ты так в этом уверен?

– История не говорит об иных примерах.

– Да хватит, папа, – бросила расстроенная Эмита. – Не третируй меня своими предположениями. У тебя все нормально – и точка. И никакого отруба башки не будет. А если будет, я тебе все обратно вправлю. Небольшой спарринг – и все нормально.

– Ладно, буду рассчитывать на тебя, – весело ответил Мэл. – На кого ж еще?

– Не на кого. Твоя супруга, между прочим, тоже нервничает. Ты бы хоть при ней не болтал о возможном отвале башки.

– Постараюсь.

Через четыре месяца Эмита вполне благополучно разрешилась от бремени мальчиком. Все время до родов она боялась выходить из дому и даже в сад почти не высывала носу. Она почему-то была уверена, что стоит ей только выглянуть за ворота, как она немедленно столкнется нос к носу с вырожденцем. Если при ней будет нож, то исход понятен. А если нет? Тогда что? Придется руками душить, что ли? Она была уверена, что от неудержимого желания ликвидировать вырожденца ее не удержат никакие соображения, и понятная слабость, свойственная беременной, тоже не удержит.

Ошеломленный и радостный Ринальдо недоверчиво разглядывал крошечного мальчишку, которого ему показали через стекло. Ребенок оказался красный и беспокойный, он орал и требовательно ворочал головой. Впрочем, даже такой он показался молодому человеку очень похожим на него. Разглядеть в малыше определенную генетикой схожесть с родителем было невозможно, но нежность восхищенного отца застила ему глаза.

Эмита тоже не без любопытства разглядывала сына. Его, как и собирались, назвали Дэвидом и на всякий случай провели полное обследование, включая генетическое. Мальчишка оказался в полном порядке, и типажом явно пошел в мать. Результаты обследования изучал маг-медик, специализирующийся по клановым типажам. Он-то и сообщил, что у малыша явно

выражен новый типаж, который уже можно было назвать клановым. Еще он сообщил, что у Дэвида клановость вполне сформировалась, «мерцания» гена у него нет.

– А у меня – есть? – поинтересовалась молодая женщина, прижимая к себе спящего младенца.

– Хотите обследоваться?

– Да ну... – и с ликованием во взгляде посмотрела на Ринальдо. – Понял, да? Сынок-то в меня пошел!

– И что? – равнодушно спросил молодой человек. Ему незнакомо было почти открытое соперничество между представителями разных Домов, решившими завести младенца. Подобное полущутливое соперничество было неизбежно, ведь от того, каким оказался типаж ребенка, зависело, к примеру, с кем он останется в случае развода, и, конечно, чей клан увеличится на одного представителя. А чем многочисленнее клан – тем он могущественнее. Это естественно. – Так что же? Теперь мне не дадут гражданства?

– Дадут, конечно. Просто малыш будет считаться Арманом.

– Ну и пусть. Все равно он мой.

Прошение в самом деле было удовлетворено довольно быстро. Ринальдо, несмотря на то, что он по-прежнему являлся черным магом, получил вид на жительство. Правда, с условием – немедленно сменить полярность. Молодой человек не спорил. За день до того он случайно столкнулся со своим бывшим другом, с Рикардо Алзара. Они когда-то вместе приводили в порядок замок на Черной стороне, вместе обитали в нем, пока его не выкрали центриты и не вернули его клану. С тех пор он не появлялся в замке, но сумел передать на Черную сторону весточку, что с ним все в порядке.

А теперь Рино узрел друга воочию. От выглядел вполне респектабельно – в аккуратном костюме и даже при галстукке, подстриженный и причесанный. По всему было видно, что теперь он не ходит таким небрежным и растрепанным, как прежде. Конечно, в этом заслуга его жены, Маргриты Мортимер. Кого же еще? Прежде, на Черной стороне, Рик был довольно безалаберным парнем, ничем и никогда не занимался всерьез, от и до. Но, похоже, семейная жизнь его здорово изменила.

От друга, довольного, что теперь Ринальдо будет жить поблизости, тот узнал, что процедура смены полярности, конечно, довольно болезненна, но переносима, и клятвенно пообещал в тот же день поговорить со своим патриархом. Алзара дал согласие помочь неведомому мигранту, другу своего потомка, и вскоре Рино стал белым магом.

Говоря откровенно, особой разницы он не почувствовал. И раньше-то на магию он смотрел, как на особую науку, где нужно что-то сосчитать по формуле, а где-то – построить схему. Он не обладал большими магическими способностями – в том единственном учебном заведении, где ему довелось учиться, его скоро отчислили за непригодность. При этом, ознакомившись с особенностями необычной науки, молодой человек смог в изобилии ее направлений найти для себя уютный закуток, где давнее техническое образование должно было помочь. И скоро, пользуясь тем, что стал первопроходцем, поднялся на достойный уровень, понял – он вполне способен конкурировать с магами средней руки, а то и с кем покруче.

Правда, в Асгердане все оказалось иначе – здесь тоже знали о существовании этого направления чародейства, называемого технической магией, – но и законы здесь действовали очень жесткие. В отличие от Черной стороны в Центре слабый маг не рисковал своей свободой и жизнью. Здесь он мог занять свое место в социальной пирамиде и спокойно жить, как ему хочется. Разумеется, здесь следовало соблюдать закон, но даже архимагу-нарушителю не светило ничего хорошего. Такого слабо защищала от Закона его магическая мощь.

– Ну вот, – с облегчением вздохнула Эмита, – теперь ты сможешь сидеть с ребенком, пока я буду в рейдах.

Изумленно округлив дугою бровь, Ринальдо воззрился на невесту.

– Что ты имеешь в виду?

– Я же теперь ликвидатор. Помнишь, я тебе говорила? Так мне вскоре придется приступить к выполнению своих обязанностей, верно же? Меня ждут интереснейшие путешествия по Центру.

– Я помню, ты говорила. Но... Я думал, это такая шутка.

Лицо молодой женщины стало строгим. Она слегка дернула плечом.

– Знаешь, я нисколько не настаиваю на браке. Если ты передумал – твое дело.

– Ну, о чем ты говоришь. – Ринальдо поспешил обнять ее, прижать к себе. – Ну, прости, если обидел. Я не хотел. Просто... я удивился, вот и все... Э-э... А как дела у твоего отца?

– Если ты имеешь в виду, в своем ли он уме, то вполне, – с ноткой вызова в голосе, но уже довольно миролюбиво ответила Эмита. – Только скучает.

И это полностью соответствовало действительности.

Мэлокайна угнетала не только одна неприятная мысль, что он перевалил груз своих обязанностей на горячо любимую дочь. Кроме того, ему нечем было заняться. Впервые за всю сознательную жизнь он оказался свободен, как птица, никому ничего не должен. Конечно, первые несколько дней после санатория, когда окончательно было решено, что бывший ликвидатор совершенно нормален психически, а имеющееся легкое нервное расстройство не выходит за пределы нормы, Мэл просто привыкал к своему новому состоянию. Жить с пустотой в душе (ненавидимая работа медленно убивала его, но и заполняла собой существование; она образовывала особую маленькую вселенную, в которой ликвидатор и жил) оказалось трудно, но можно было привыкнуть.

Он даже не возразил врачам, когда те пожелали всесторонне его обследовать, объясняя свое желание тем, что он – первый зафиксированный в истории ликвидаторства феномен. Чем именно Мэлокайн Арман так замечателен, они не сказали, но тот и сам отлично знал. И ему становилось все любопытнее, насколько хватит его психики, насколько он стоек.

– Я ведь знаю, что случается с ликвидаторами, которые отходят от дел, – сказал он отцу. – И понимаю, что меня ждет.

Мэльдор ответил ему долгим взглядом.

– Я тоже кое-что знаю о ликвидаторах. Читал, что ликвидаторы отходят от дел тогда, когда у них уже не остается никаких душевных сил, чтоб должным образом исполнять свои обязанности... Не смотри на меня такими глазами. Не один ты в курсе, что происходит между вырожденцем и ликвидатором в ходе ликвидации. Раз мой сын оказался в такой западне, я почел своим долгом изучить вопрос. Я же юрист. Я въедливый.

– Ну и что?

– Я отлично вижу, что ты еще не на пределе, и теоретически мог бы продолжать эту... э-э... деятельность. Почему способность ликвидировать покинула тебя, мне не понять, но она явно оставила тебя не в тот момент, когда ты превратился в выжатый лимон. Фигурально говоря.

– Но обычно происходит именно так. Тебе, наверное, кажется.

– Мне никогда не кажется. И не вешай нос. Нас, бывших Мортимеров, нынешних Арманов, так просто не возьмешь. Может, ты просто решил таким вот образом приколоться над специалистами – чтоб не думали, будто они все на свете знают про ликвидаторов...

– Ни фиги себе приколы – вместо себя сделать ликвидатором дочку.

Мэльдор взглянул на него долгим взглядом.

– Ты не заглядывал в материалы бывших Блюстителей Закона, касающиеся Генетической программы?

– Заглядывал, а что?

– Ты помнишь, что там писали об Эмите? Еще тогда, когда ее и на свете не было?

– Нет. А они что-то писали? – спросил Мэлокайн и тут же прикусил губу, поняв, что спросил глупость. Раз появление его дочери на свет хоть как-то планировали, то должны были составлять расчеты и ожидать какого-то конкретного результата.

– Естественно. Блюстители ожидали появления мальчика.

– И что?

– В заключении экспертов было сказано: «идеальный ликвидатор». Тебе готовили смену. Как я понимаю, их задумка и осуществилась, причем не тогда, когда у тебя иссякли силы, а когда сработала заложенная в Эмите программа. Когда Эмита оказалась готова. И тебе не в чем себя винить. Если и есть здесь чья-то вина, то только вина законников. И не жди прихода безумия – если я прав в своих предположениях, оно не придет.

Вопреки ожиданиям главы семейства Арман, Мэлокайну нелегко было принять услышанное. Но жизнь, само собой, не стоит на месте, и Мэл скоро перестал скрипеть зубами при мысли о законниках и их осуществившемся плане. Он немного успокоился, смирился и занялся делом – кое-где подремонтировал мебель и разболтавшиеся, скрипящие ступени лестниц, сделал ремонт в кухне, поучил Амаранту водить машину, а для Дэнната по своим каналам раздобыл огромный справочник по черной магии – тот почему-то не на шутку увлекся ею. Поскольку каждый из детей Морганы с большой долей вероятности являлся серым магом, Мэл не слишком волновался по поводу странного хобби отпрыска.

Бывший ликвидатор поверил в серую магию с тех пор, как в клане Мортимер заговорили о ней. Тамошние специалисты наконец разобрались в бумагах, привезенных Руином и его старшим братом из штаб-квартиры Серого Ордена, но когда разобрались, издали, образно говоря, вопль изумления. Правда, очень тихо – сделанное ими открытие не должно было покинуть пределов клана.

Выводы, изложенные в документах Серого Ордена, как оказалось, были просты и очевидны. Слишком уж убедительно выглядели они, поэтому их требовалось проверить, а потом уже, по результатам проверки, подтверждать или отменить, как несостоятельные. Но здесь Мэрлот мог воспользоваться разве что помощью Арманов – в его клане браков с черными магами не было, и детей смешанной крови не имелось. Патриарх Мортимеров, разумеется, обратился за помощью к Мэльдору, и тот, конечно, не отказал. А поскольку Руин официально считался мертвым, то глава семьи Арманов мог предложить Мэрлоту только Дэйна и Моргану. Их вероятные возможности были наиболее очевидны.

Обоих Арманов просили производить те или иные действия магического характера – все по бумагам из архива Серого Ордена – и старались точно фиксировать показания. Дело шло ни шатко ни валко, потому что Дэйн все норовил улизнуть – он был слишком занят своими химическими опытами, а свободное время тратил на Такэду Накамура, – а Морган стеснялась. В ней слишком глубоко пустило корни провальское воспитание, говорившее, что женщине негоже да и просто немислимо заниматься магией.

Даже трое архимагов-Мортимеров – сам Мэрлот, его сын Майнар и внучка Лоретта – наблюдавшие за ходом опытов, так и не смогли убедить Моргану, что у нее незаурядные магические способности, и она могла бы преуспеть на этом поприще. Тщетно. Молодая женщина жалась, смущалась, и, хотя послушно выполняла все, что ей говорили, не каждый раз достигала успеха. Если бы супруг не уверил ее, что только рад этому неожиданному увлечению своей благоверной, и готов помочь ей, чем сможет, пожалуй, это предприятие так ничем бы и не закончилось.

Какие бы сложности ни приходилось преодолевать любопытствующим Мортимерам, через десять лет неспешных и тщательно законспирированных исследований существование серой магии было доказано. Майнар и Лоретта обследовали всех детей и внуков Мэльдора и выяснили, что серыми магами не являются лишь Мэлокайн и Эмита. Все же остальные – являются. Кроме того, как ни странно, обнаружилась парочка серых магов и среди самих Морти-

меров, что привело Мэрлота в состояние радостного оживления. Это серьезно облегчало контакты с Черной стороной – контакты любого характера.

Как ни странно, идея взаимодействия с Черной стороной больше всего заинтересовала Дэнната. Он вырос очень похожим на дядю, Руина, тогда как Майден характером больше напоминал Мэла и Мэльдора, обоих сразу. Майден иной раз мог выкинуть веселую шутку – Дэннат действовал экономно и обдуманно. Разве что в детстве он позволял себе беспричинно пошалить, например, в гостиной дома покидаться в старшего брата огненными заклинаниями. Майден обычно отбивал их предметами серебряного сервиза, и непременно в стены, шторы или старинные буфеты. Мать относилась к подобным забавам терпеливо, потому что специально и заранее оплатила услуги хорошего мага, который защитил весь дом и все ценное в доме от магических экспериментов подрастающих сорванцов.

Когда Дэннат подрос, он стал вести себя намного сдержаннее. Отец даже иной раз удивлялся, мол, будто и не наша кровь, но в глубине души искренне гордился упорством сына и его умением добиваться поставленной перед собой цели. К тому же Мэлокайн с самого начала решил для себя – не вмешиваться в жизнь своих детей. Пусть занимаются, чем хотят.

Впервые за много лет у Мэла появилось сколько угодно времени, чтоб тратить его на отпрысков. Но оказалось, что дети давно привыкли обходиться без отца, к тому же они уже выросли. Амаранта, правда, с восторгом восприняла уроки экстремального вождения – она вообще обожала все экстремальное, – но по большому счету девушка, успевшая перешагнуть порог двадцатилетия, тоже не нуждалась в педагогических усилиях батюшки. Пообщаться, посоветоваться – да, но исключительно как взрослый со взрослым. Никаких сюсюканий и ужимок.

Амаранта получилась самой бешеной из всех. Она обожала гонки, бои без правил, состязания альпинистов на скорость, и, если б ее заперли в четырех стенах, наверное, просто завяла бы, как цветок без полива. Лицом и фигурой она походила на мать, и странно было видеть Моргану, да еще такую буйную и непоседливую. «За ней нужен глаз да глаз», – вздыхала мать, но ничего не могла поделать. Амаранта нуждалась только в совете, но не в опеке, так что отцу оставалось тратить свое свободное время на ремонт. Ничего другого не оставалось.

Впрочем, Мэлокайн высидел дома всего четыре месяца. Его заела тоска. Привычка шататься по миру, там сражаться, там бегать от мстителей уже так глубоко вошла в его жизнь, что изменить себя он уже не мог. Ведь и до того Мэл не дома сидел, а служил в Сером Ордене, где отдыхать приходилось меньше всего. К походам, рейдам и приключениям он привык с детства.

– Что же мне делать? – как-то не выдержал он в присутствии Морганы – ей он доверял больше всех на свете, и потому в ее присутствии мог показать слабость или неуверенность.

Жена взглянула на него задумчиво.

– Я же не держу тебя возле своей юбки, – мягко подсказала она. – Уверена, ты и теперь без труда найдешь себе занятие. Ведь предположения врачей в твой адрес оказались безосновательны. Значит, тебе ничего не сможет помешать.

– Только не думай, что я не хочу быть рядом с тобой, – поспешил добавить он.

– Я и не думаю. Все верно, нельзя же питаться только сладким. Иногда надо соленого поесть, а иногда – поголодать, – и Моргану шутливо ткнула его в плечо. – Нагуляешься вдали от дома – может, издали я покажусь тебе еще красивее.

– Ты – самая красивая на свете! – воскликнул Мэлокайн, ловя ее в объятия.

А чуть позже он услышал о Виргине Айнар.

Глава 3

В тот год, когда патриархи лишили клан Блюстителей Закона власти и предотвратили второй виток Программы (надо сказать, что материалы этих исследований в усеченном виде были опубликованы и действовали, как мягкая рекомендация; надо сказать, что кое-кто из центристов даже последовал ей), странное явление поразило обитателей столицы. Однажды ночью небо внезапно расцветило сияющие полосы, похожие на отражение света прожекторов. Они немного напоминали северное сияние, но какое может быть северное сияние в той географической широте, где располагалась столица?

Горожане подходили к окнам и с любопытством рассматривали невиданное зрелище. Почти все были уверены, что здесь какая-нибудь шутка местных магов, безопасная и масштабная. Только те, кто по должности должен был отслеживать несанкционированную магию в пределах города, скоро убедились, что шалости чародеев тут ни при чем. И вообще никаких признаков магии они не нашли, чем были весьма озадачены.

И почти никто не подумал, что этим странным явлением было отмечено появление на свет дочери некоей представительницы молодого клана Айнар по имени Анавэра и ее супруга, Таннаарена из Дома Талла Соннер. Малышка появилась на свет в тот самый миг, когда сияние затопило почти полнеба и заиграло всеми оттенками алого. Она набрала воздуха в маленькие легкие и тоненько заплакала, будто жалуясь на что-то. Ее торопливо приложили к груди матери.

– Какая она славная, – всхлипнула уставшая до полусмерти Анавэра.

– Очень, – шепотом подтвердил Таннаарен. Он с умилением разглядывал дочку. У него уже был один ребенок, сын, но он появился на свет так давно, что Талла Соннер уже и забыл, как это бывает. К тому же он совершенно не представлял, как себя вести со столь маленькими детками. Потому, пряча растерянность, подошел к окну и раздернул шторы.

Уставший врач и акушерка, не торопясь, складывали инструменты, которые держали под рукой, но и они с интересом взглянули в окно, на буйство красок, заливших небосвод. Ночной город, залитый светом реклам и ламп, сразу как-то померк по сравнению с этим необъяснимым явлением.

– Посмотри, любимая, – улыбнулся Таннаарен, обернувшись к жене. – Даже небо приветствует появление нашей малышки на свет.

– Конечно, – выдохнула Анавэра, не почувствовав в его голосе шутливого тона. Сейчас она все воспринимала слишком серьезно. – Конечно, приветствует, – и посмотрела на крошечную дочку, успевшую заснуть у материнской груди. Головка с кулачок, красное личико – и маленькая ладошка с тоненькими, как спички, пальчиками.

– Ну, как ты ее назовешь? – решив отвлечь супругу, поспешил спросить Таннаарен. – Уже придумала?

– Да. Виргина.

Девочка была долгожданной, и оба родителя души в ней не чаяли. Она казалась им самой лучшей в мире, Анавэре и Таннаарену было не важно, насколько хорошо она себя ведет и насколько готова радовать собой семью. Но даже они скоро поняли, что с ребенком им повезло. Нрав малышки удовлетворил бы и более взыскательных родителей. Она росла разумной, старательной и послушной, порой ее покладистость даже вызывала у матери опасение – как-то дочурка сможет жить в этом безумном и отнюдь не безоблачном мире, если она так мягка характером.

Но скоро выяснилось, что Виргина не так уж мягка. Можно было даже не пытаться заставить ее делать что-нибудь такое, что показалось бы ей неправильным, недостойным. Бесплезно. Она твердо усвоила те нормы и правила морали, которые ей объясняла мать, и придер-

живалась с такой истовостью, что этому оставалось лишь удивляться. К примеру, Анавэра скоро привыкла верить любому слову дочери, потому что та никогда не лгала.

Девочка, а впоследствии девушка, повиновалась почти всем желаниям родителей. Она отлично училась в школе, занималась музыкой, много читала и редко-редко шаталась с подругами по улицам. На дискотеке побывала лишь однажды и категорически отказалась идти туда вновь. То же касалось и прочих развлечений, очень популярных в подростковой среде. Она казалась очень странной, но, хотя сильно отличалась от своих сверстниц, подруг у нее было много – девочек почему-то тянуло к ней.

Отец настоял, чтоб после школы она пошла в магическую Академию Галактиса – и Виргина поступила туда без труда. Но и в институте продолжала сторониться компаний сверстников, не посещала их пирушки и не встречалась ни с кем из парней. Вскоре ее душевная чистота и строгое целомудрие стало беспокоить даже Анавэру. Она, хоть и вышла замуж за Таннаарена невинной, ничего не имела против того, чтоб ее дочь, достигнув совершеннолетия, заводила романы, но той подобное даже в голову не приходило.

– Можно подумать, ты собралась в монастырь, – заметила мать, но Виргина ответила ей безмятежным и очень спокойным взглядом.

– Нет, мама, конечно, нет. С чего ты так решила?

– Ты ведешь себя, словно очень религиозный человек. Но, кажется, даже не посещаешь храм.

– Нет, не посещаю, – девушка задумчиво смотрела мимо матери, куда-то вдаль, в глубины невидимого пространства. – В этой религии чего-то не хватает, мне кажется.

– Ты ищешь себе подходящую?

– Я? Не знаю. Я ничего специально не ищу, но... Не знаю.

– Но почему же в таком случае ты не заводишь отношения с молодыми людьми?

– Мне кажется, любые отношения возможны лишь с тем человеком, с которым хочешь создать семью.

Анавэра слегка опешила. Ей всегда казалось, что современное общество и пропагандируемые им нравственные («безнравственные») ценности не способны приучить молодых к сдержанности и воздержанию. Она никогда не старалась вдолбить дочери собственные строгие принципы, предоставляя ей свободу и надеясь на собственный пример, и теперь не понимала, откуда все взялось.

– Ну... Положим, на это можно смотреть и так. Но ты не найдешь себе спутника жизни, если откажешься хотя бы приглядываться к представителям противоположного пола.

– Я не тороплюсь.

На этом разговор был исчерпан.

Впрочем, Анавэру удивляла скорее одержимость дочери, нежели ее затворничество. Девушка очень хорошо училась, на учебу у нее уходило почти все время, и ни на что другое, естественно, не хватало. Отцу не приходилось объяснять ей, что «в наше время, в нашем мире без магии никак», наоборот, он, встревоженный, много раз брался объяснять дочери, что перенапряжение во время занятий может нанести вред ее здоровью и энергетическому балансу организма, что чревато уже не только болезнями.

Но Виргина спокойно возразила, что не переутомляется, и делает ровно столько, сколько может. К тому же, добавила она, за этим строго следит ее учитель, он просто не допустит ее до занятий, если заметит какие-нибудь тревожные признаки.

Ее успехи до немоты поражали даже преподавателей Галактиса, которые на своем веку повидали очень многое. Уже на первом курсе ей выделили индивидуального преподавателя, с которым она и занималась. Он действительно строго следил за самочувствием усердной студентки, но, как бы она ни нагружала себя, ее энергетика пребывала в стабильном состоянии, а силы казались неисчерпаемыми. То, что другие, даже действительно талантливые студенты

осваивали за неделю, она схватывала на лету, старательно, но стремительно отлаживала принцип составления новых типов заклятий и спешила перейти к следующей теме.

В Галактисе она прошла полный круг обучения – четыре комплекса по пять курсов – за каких-нибудь двадцать лет, и еще пять дополнительных лет, когда под руководством опытного архимага, работавшего с ней увлеченно и за символическую плату, строила сложнейшие магические системы.

К сорока пяти годам она сама стала архимагом.

Об этом писали все газеты, трубили все телевизионные каналы, надрывалась единая информационная сеть. Виргина получила кольцо архимага, не успев перешагнуть порог пятидесятилетия, а это означало, что она стала самым молодым магом высшего уровня за всю историю Асгердана. Впрочем, если б она протянула с этим до первого юбилея – столетия – то и это ничего бы не изменило. До триумфа Виргины самым молодым архимагом считался Гэр Некромант. Он получил свой перстень, будучи четырехсот сорока лет от роду.

С девушкой из молодого клана Айнар стремились поговорить журналисты, телевизионщики предлагали ей немалые гонорары за короткое интервью, но она упорно отказывалась. Став знаменитостью, она превратилась в еще более замкнутого человека, в настоящую домохозяйку, и терпеливо ждала, когда спадет ажиотаж, когда ее необычные способности перестанут интересовать окружающих.

Когда девушка положила перед родителями полученный перстень, мать посмотрела на нее почти с испугом. Да и отец был хмур.

– Я бы никогда не поверил, что такое возможно, – сказал Таннаарен, разглядывая кольцо. – Если б не увидел своими глазами.

Виргина без улыбки смотрела на отца. Ее темно-синие глаза казались черными. «Естественно, – подумал он. – Девочка устала. Да еще как устала – можно себе представить».

– Ну, теперь тебе непременно нужно съездить на море. Отдохнуть немножко, – сказала матриарх Эдэра, которая, конечно, не могла не приехать к праправнучке в такой знаменательный день. Виргина была первым архимагом в ее клане, а уж то, что самый молодой центритский чародей высшей категории является представителем Дома Айнар, уже немало повышало престиж клана. Сама Эдэра по-прежнему оставалась старшим магистром, и вряд ли могла надеяться в ближайшее время подняться выше. Ее старший сын – тоже.

Дочь Анавэры всегда была почтительна с матриархом, никогда и слова поперек не сказала. Но теперь вдруг возразила:

– Но я нисколько не устала.

– Рассказывай, – сдержанно отозвалась та.

– Это правда.

– Я верю, что ты не чувствуешь себя усталой. Однако это еще ни о чем не говорит. Впрочем, спорить бессмысленно. Завтра ты отправляешься.

Девушка не стала спорить, лишь спокойно опустила голову, будто в знак того, что готова повиноваться.

– Да, матриарх.

С моря она вернулась посвежевшей, загоревшей, но все такой же сдержанной. Ей по-прежнему не звонили мужчины, и неделю после возвращения она почти все время проводила дома. То за пианино, то с гитарой.

– Где подумываешь работать? – поинтересовалась Анавэра.

– В столичной клинике детских неврозов, – не поднимая головы от большого альбома нот, ответила Виргина.

– Но... Но почему? Детка... При твоём магическом образовании, при твоём уровне ты могла бы найти отличную высокооплачиваемую работу.

– А разве нам срочно нужны деньги?

– Да при чем тут деньги? Мы – люди обеспеченные. Но я хочу, чтоб ты была богата. Чтоб у тебя была престижная работа.

– Я предпочла бы полезную работу.

– Но ты, что же, считаешь, будто работа архимага в какой-нибудь крупной фирме не приносит пользы?

– Я думаю, детям куда важнее квалифицированная медицинская помощь архимага, чем качество центритского машиностроения или состояние сталелитейной промышленности, – мягко, но непреклонно ответила Виргина, и по ее глазам мать поняла – это один из тех редких случаев, когда спорить бесполезно.

Женщина растерянно захлопала ресницами.

– Но в любой фирме у тебя будет работа намного легче, а платить будут больше.

– В больнице мне будут платить столько, что вполне хватит нашей семье, и еще кому-нибудь помочь. А тяжелая работа... – девушка пожала плечами. – Я умею тяжело работать.

– Я знаю, – вздохнула Анавэра.

Ее утешал муж. Он убеждал, что дочка еще захочет жить красиво, и детей завести, конечно, рано или поздно захочет, и не надо торопить время. В конце концов, Виргина – бессмертная, и довольно молодая, какие мерки ни возьми. У нее еще все впереди.

Но проницательная супруга все хмурилась.

– Ты знаешь, я часто думаю, что она слишком хороша для нашего мира. Я была бы счастлива, если б у меня выросла самая обычная девочка. А Виргина – слишком необычная. Она... слишком чистая, слишком... Слишком... Удивительная. Разве такой человек, как она, способен выжить среди таких обычных людей, как мы?

– Ана...

– Но я ведь серьезно. Я каждый миг думаю о том – какое счастье, что я вижу дочку рядом с собой. И о том, насколько долго это продлится.

– Ана, не накручивай себя заранее. Тем более что твои опасения совершенно неосновательны. Ведь Виргина – архимаг. Не так-то просто убить архимага.

Анавэра вздохнула. Было видно, что муж не убедил ее и не успокоил до конца, но продолжать спор ей явно не хотелось. Так случается, когда оба твердо уверены в своей правоте, и потому не способны поколебать оппонента. В такой ситуации лучше отступить, прервать спор, оставаясь при своем. Женщина отлично понимала, насколько важно для спокойствия и блага семьи вовремя отступать. Тем более что делать это приходилось не так уж часто. Таннаарен был почти идеальным мужем.

Потом Виргина занялась музыкой. Отработав смену в больнице, она приходила домой и отдыхала за пианино или с гитарой, и мелодии, выходившие из-под ее пальцев, раз за разом становились все сложнее и совершеннее. Вскоре она запела. Мать поразились тому, какой у дочери чистый и мелодичный высокий голос. Он был не слишком силен, и карьера оперной певицы никогда не могла бы улыбнуться девушке, но разве она хотела стать актрисой? Музыка в ее жизни существовала только для нее самой. И тексты, которые она писала, были призваны просто выражать ее мысли и чувства, только и всего, а не увлекать или заставлять о чем-то задуматься.

Но тем не менее увлекали.

Анавэра как-то услышала песню, которую в комнате под гитару пела дочь, и почувствовала, что ее душа разворачивается, будто крылья у птицы, и это ощущение оказалось на удивление сладостно. Ей показалось, будто мысли и чувства омыло чистым дождем, и, всплеснув руками, опустилась на кухонную табуретку. Забытый соус медленно булькал в кастрюльке на плите, но женщине не было жалко своего труда. Ошеломленная, она ощущала, как в груди болезненно сжимается сердце. «Я, кажется, привела в мир необычную девушку», – подумала

она без всякой радости, потому что относилась к тем немногочисленным родителям, которые предпочитают видеть своего ребенка обычным человеком. Как все.

Виргина не собиралась как-то использовать свое новое увлечение музыкой, она отнюдь не считала свои песни чем-то особенным, достойным всеобщего внимания. Но в среде друзей, которые мигом появлялись у нее в каждой больнице, где ей случалось работать, оценили ее достижения. Клиника детских неврозов, куда Виргина почему-то устроилась работать, являлась частью огромного целого, входила в сложную систему медицинских учреждений, и в каждом то и дело требовалась помощь хорошего архимага. За пару лет девушка успела поработать в десятке больниц, и в каждой каким-то непостижимым образом, не стремясь к тому, обростала друзьями и подругами.

В одном из социальных лечебных учреждений она неожиданно встретила с Руаннаром Мортимером. Так уж получилось, что молодой человек следил за установкой сложной магической техники, с которой Виргине предстояло работать. Правда, Руаннар не работал в этой больнице – он просто был одним из благотворителей.

Разговоры о работе, то есть магической технике, постепенно перешли в беседы о жизни. Девушка узнала, что хобби молодого Мортимера – аранжировка музыкальных произведений. Больше всего он любил обрабатывать простенькие мелодии никому не известных бардов, да так, чтоб они смогли конкурировать с самыми лучшими популярными композициями. К тому же он отлично играл на двух музыкальных инструментах – гитаре и фортепиано, в совершенстве владел искусством управляться с синтезатором и прочей музыкальной техникой.

Он буквально навязал Виргине свою помощь. Вскоре ее песни получили новый облик и новое звучание, и оттого расцвели, будто розы, вылупившиеся из бутонов. Виргина так и не узнала, приложил ли Руаннар какие-то усилия к тому, чтоб о существовании ее самой и ее песен разнюхали звукозаписывающие компании (ну, разумеется, приложил), только факт остается фактом – девушке сразу поступило несколько настойчивых предложений. Поколебавшись, она все-таки выбрало одно из них – не самое денежное, но отчего-то более привлекательное.

В одночасье Виргина вдруг стала знаменитой. Ее песни не походили на популярные хиты, но отчего-то сразу стали пользоваться такой огромной популярностью, что на заводе не успевали выполнять заказ. Диски сразу стало трудно раздобыть. Растерянная девушка из клана Айнар в ответ на удивленные и, что скрывать, радостные вопросы родственников лишь разводила руками.

Чтоб уговорить ее согласиться на один-единственный концерт, понадобились усилия множества людей, включая Руаннара и даже отца Виргины, Таннаарена. Талла Соннер не то чтоб хотел видеть дочь знаменитостью и певицей – просто он почему-то решил, что дочь отказывается от карьеры из чистой стеснительности.

Но самое главное, что убедило Виргину продолжать – это мнение матриарха. Эдэра, конечно, приехала поздравить потомицу с триумфом и поблагодарила ее за то, что та столь многим увеличивает престиж клана.

– Престиж клана? – удивилась девушка. – Разве песни... Мои песни разве способствуют повышению престижа клана?

– Конечно. Наш Дом еще слишком слаб, слишком беден и оттого никому не известен. То, что среди моих потомков оказалась ты, которая смогла стать знаменитостью, делает известными всех нас. Ты понимаешь? Если клан на слуху, это повышает его значимость и власть, конечно.

Виргина задумалась. По всему выходило, что поддерживать свою популярность – это ее долг.

Оставалось лишь следовать ему. Все деньги, вырученные от продажи дисков, сопутствующих товаров, а также от концертов Виргина передавала матриарху, себе же оставляла лишь на прожитие. Суммы оказались немаленькие. Эдэра спокойно, без возражений, брала деньги и

принялась покупать на них землю, вкладывать средства в надежные ценные бумаги, справедливо полагая, что если Виргине сейчас ничего не нужно, долг главы Дома – распорядиться ее заработком наилучшим образом. У клана девушка всегда сможет взять необходимую ей сумму, в любой момент и на любую покупку.

Постепенно Виргина перестала шараться от предложений устроить концерт. Она увидела в выступлениях средство достижения какой-то цели, которую еще и сама-то толком не осознавала, но уже чувствовала. Все чаще мать замечала, что в те немногие свободные минуты, что еще оставались у ее дочери, она сидела в глубоком кресле, задумчиво и напряженно глядя на небо, заглядывающее в окно ее комнаты поверх верхушек яблонь, и на лице девушки отражалось все, что томило ее – тоска, лихорадочное нетерпение и почему-то боль.

– У тебя что-то не ладится? – спросила Анавэра, но дочь, вздрогнув, тут же замотала головой.

– Нет, все в порядке.

– Ты поссорилась с молодым человеком?

– У меня нет молодого человека.

– А Руаннар?

Девушка бледно улыбнулась и помотала головой.

– Но я же вижу, он ухаживает за тобой, – настаивала мать.

– Да?

– Конечно. Я вижу. Женщины всегда видят подобное. Странно, что ты не замечаешь.

– Я никогда об этом не думала.

– А ты подумай. Руаннар – замечательный парень.

– Да... Пожалуй, – Виргина вздохнула. – Замечательный.

Анавэра решила, что не стоит ничего больше говорить. Если ее дочь способна хоть кого-то полюбить, рано или поздно она ответит взаимностью мужчине, который столь преданно любит ее.

Виргина была способна любить, вне всяких сомнений. Но в остальном мать ошиблась на ее счет – девушка вряд ли способна была создать семью. И вовсе не потому, что душа ее оказалась слишком мала, чтоб там нашлось местечко для мужа и ребенка. Душа этой девушки могла бы объять Вселенную. Просто большая страсть всегда вытесняет малую, а великая не оставляет места никакой другой. В сознании Виргины медленно обретала зримые формы некая великая страсть, которую она пока еще плохо осознавала. Но если что-то подобное появляется в душе, рано или поздно оно даст о себе знать.

Как-то незаметно получилось, что ее концерты стали постепенно превращаться в проповеди. Каждая песня, которую она писала, обязательно что-то говорила душе, и, пытаясь пояснить свою мысль, Виргина поневоле обращалась к вопросам вовсе не расхожим. Ее внимательно слушали, и потому ни ее агент, ни звукозаписывающая компания не возражали против подобной формы выступления.

– Тебе стоило бы однажды прямо сказать все, что ты хочешь, – сказала ей одна из подруг, молодая бессмертная, работавшая в больнице медсестрой, ревностная поклонница творчества Виргины.

Дочь Анавэры задумалась – а что же такое на самом деле она хочет сказать. Эти раздумья были сродни поиску ответа на неизвестный вопрос – не менее трудны. И закончилось тем, что однажды проведя целую ночь за письменным столом, она под утро с недоумением взглянула на исписанную ученическую тетрадку. И, перечитав нервные чернильные строчки, поняла, что же она искала. В ее сознании наконец-то сформировались первые слова того учения, которое она должна была привести в мир.

Жуть и восторг – такие чувства сопровождают подобные открытия, если они сделаны искренне. А еще немного – тоска. Тоска, что передать в точности все то, что чувствует, она

все равно не сможет. Ей даже как-то не пришло в голову, что кто-то может попросту не желать знания, которое она готова предложить. Подобные мысли посещают лишь в минуты шока от неудачи. Человек гораздо чаще оценивает происходящее с собственной позиции, и если его сердце пылает страстным желанием поделиться собственным восторгом – разве он будет ожидать неприятия?

Виргина изменилась. Она не встречала отпора, и каждый, кто слышал ее слова о том новом, что посетило ее сознание, увлекался сам. Из глаз девушки теперь смотрело нечто большее, чем просто светлая душа. До жути чист был ее взгляд. Правда, несмотря на убеждение в истинности всего, что говорит юная Айнар, которое окружало ее все плотнее и шире, будто круги от брошенного в воду камня, кланы долго не замечали ее существования – за исключением, конечно, тех немногих, кто случайно услышал ее слова и поверил. Не замечали до тех пор, пока одним из ее искренних последователей не стал Оттар Акула Ран.

Репутация этого молодого человека была настолько дурна, что его сторонились собственные родственники. Патриарх прилагал все усилия к тому, чтоб держать потомка в рамках, но в результате добился лишь того, что Оттар стал гораздо лучше прятать концы в воду. Его не однажды проверяли на вырождение – безрезультатно. Вырожденцем он не был. Но даже после этих проверок он не оставлял своих выходов, только старался, запугав жертву своих развлечений, добиться ее молчания. А поскольку он оставался клановым и богачом, его боялись, и не без оснований. Молодой человек и сам не знал, на что его может толкнуть желание сохранить тайну. Его немножко сдерживало лишь возможное наказание за тяжкое преступление, поскольку помимо всего прочего он отличался еще немалым здравомыслием. Звездные Каторги – не шутка.

В отличие от большинства знаменитостей, Виргина не была окружена телохранителями, и это предопределило выбор Оттара. Однажды вечером он явился к ней домой, подгадав момент, когда ее родители отдыхали на морском курорте (желтая пресса не оставляла в покое ни саму девушку, ни ее мать и отца, с удовольствием наблюдая за каждым их передвижением, а потому выяснить, где и когда кто из них отдыхает, оказалось проще простого), с намерением приятно провести ночь. Его не слишком заботило, как к этому отнесется сама Айнар – Оттар был уверен, что девица эта не из мстительных, предпочтет забыть. Может, в чем-то он был прав. Понять, что есть в мире или в нем самом нечто такое, что способно его остановить, в тот момент он вряд ли мог.

Он пришел и, усевшись на ее кухне, они проговорили всю ночь. Наверное, привелось ему вспоминать, о чем шла речь, ничего бы не получилось. Да и не слова имели значение, а только тон, самая сокровенная суть общения, а еще ее глаза. Взглянув в них, невозможно было дальше притворяться, будто не понимаешь, чем занимаешься, чем развлекаешься. Оттар понял, что раньше просто не хотел понимать... нет, не так. Он знал, что отлично отдавал себе отчет в каждом поступке, просто сам не знал, чего ему хочется, потому и плевал на окружающих.

– А теперь я понял, чего хочу, – сказал он Виргине.

– Чего же? – улыбнулась она. Ни следа усталости не было в ее чертах.

– Донести твою веру до остальных.

– Мою веру? – удивилась она.

– Ну да. Все то, что ты мне рассказала.

– Разве это вера?

– А что же? Ну ладно, можно назвать учением. Смысл от этого не меняется.

– Это просто... мои мысли... Просто я поняла, что нужно делать, чтоб... чтоб... – она искала слова.

– Чтоб не попасть под нож ликвидатора, – закончил молодой человек. И теперь, конечно, он сохранял достаточно практичности, чтоб даже из духовного выцедить конкретную пользу. – Чтоб не выродиться. Чтоб жить вечно.

Виргина посмотрела на собеседника очень вдумчиво и даже как-то оценивающе.

– Но я говорю все это не только для бессмертных. Смертные тоже вырождаются.

– Когда имеешь дело со смертными, этот процесс слишком уж сложно проследить.

– Несложно, если принять во внимание, что любой человек способен к перерождению.

Любой, у кого на это достаточно душевных сил.

– То есть смертный вырожденец попросту не перерождается?

– Да. Его душа умирает с ним. Или раньше.

Оттар задумался.

– Так значит, любой смертный может стать бессмертным? В смысле, в другой жизни. Да?

– Все в руках каждого, – улыбнулась девушка. – Если дух силен, ему будет дано бессмертное тело – таков закон существования.

– И ты говоришь, что не несешь новую веру? Новое учение? Скольких ты сможешь утешить? Ведь многим смертным не хватает только надежды. Они примут твоё учение с радостью, – он встал. – Этим и стоит заняться.

– Ты прямо сейчас собираешься этим заняться? – рассмеялась она.

– Нет, – решительно отмел Оттар. – Сперва пообедаю. Это точно!

Роман Дэйна и Такэды протекал неспешно и, как ни странно, строго в соответствии с традициями клана Накамура. Время от времени младший сын Мэльдора Армана заваливал свою избранницу знаками внимания – как грудami цветов, так и частыми ночными концертами под окнами (он был законопослушен, потому шумел исключительно в ночь с субботы на воскресенье, только пятнадцать минут и не каждую неделю). Она с удовольствием принимала мелкие подарки, проводила с Дэйном время, но если он исчезал на недельку или две, никогда не выражала возмущения по этому поводу.

По традициям клана Накамура между знакомством и помолвкой должно было пройти не меньше десяти лет, и не менее пяти – между помолвкой и браком. Женщины-Накамура знали, что такое ожидание. Когда мужчины совершают подвиги и творят историю, их спутницы должны терпеливо блюсти семейный очаг – так говорили матери этого клана своим дочерям. И дочери, конечно, запоминали.

Такэда не знала, почему Дэйну так трудно было превратить их «конфетно-букетные» отношения в более близкие – о проклятии она не знала. Но воспринимала как должное и его отлучки, и странные ухаживания.

Прошло два года, прежде чем молодой человек решился сделать ей официальное предложение. Правда, оно прозвучало в такой форме, что девушка ничего не поняла. Дэйн поджидал ее близ метрополии, сидя в густой кроне груши (чтоб не бросаться в глаза дозорным), и, когда она проходила неподалеку, собирался эффектно спрыгнуть, но вместо этого банально сверзился. На шум отреагировала система безопасности и Арману пришлось улепетывать. Он метко швырнул в Такэду букетом и на бегу выстрелил заранее заготовленное предложение руки и сердца, которое в результате прозвучало приблизительно: «Я те... лю... Вых... за... ме... за-а-а!».

Девушка, конечно, ничего не поняла.

Следующего случая ей пришлось ждать еще год. На этот раз молодой человек, как раз закончивший курс демонологии, решил использовать какого-нибудь демона – надо ж было показать любимой девушке, что в магических науках он преуспел. А если уж доказывать, то доказывать по полной программе. Раздобыв каталог демонов, Дэйн выбрал самого мощного из тех, что мог надеяться вызвать и подчинить без посторонней помощи.

С выбранным демоном он возился больше трех недель. Тот оказался куда сильнее, чем Арман ожидал, пару раз чуть не вырвался из тисков заклинания, и в ходе подчинения все-рез попытался сам подчинить своего пленителя. К счастью, рядом оказался Гэр Некромант, к

которому младший сын Мэльдора на всякий случай обратился за консультацией, он, образно говоря, дал демону щелчок по лбу. Тот утих.

Результатом трехнедельных трудов стал демон-гигант, обладающий множеством способностей, в частности, способностью к трансформациям, к изменению голоса, цвета и консистенции чешуи. Теперь он был покорен и готов сделать все, что угодно. Для большего эффекта Дэйн заставил его принять боевую форму, разукрасил яркими лентами (морда демона подрагивала в негодовании от такого надругательства, но подчинение держалось прочно) и отправил петь Такэде серенаду.

Демон мог спеть эту серенаду хоть тенором, хоть басом, хоть контральто – на выбор. И можно было побиться об заклад, что, немного подрегулировав голос, он дал бы фору любому приличному оперному певцу. Но спеть ему не дали. Как только это существо оказалось в непосредственной близости к Такэде и взяло гитару на изготовку, на него немедленно накинлись отец и брат девушки. Оба были хорошими магами, и от демона в несколько мгновений осталась лишь жалкая кучка пепла.

– Да что же это такое! – воскликнул Дэйн, сползая по водосточной трубе, как только отец и брат его избранницы удалились за совком и шваброй. – Не везет.

– Привет, – по своей привычке чуть растягивая слова, произнесла Такэда. Язык Накамура был неспешен, как их традиции. – Жалко, что я не догадалась сразу, что это от тебя.

– Нервные у тебя родственники.

– Пожалуй, – она улыбнулась. Потом в одно мгновение стала очень серьезна. – Знаешь, мои родственники... не в восторге от твоих ухаживаний.

– Слишком громкая музыка по ночам? – догадался он.

– Ну... Не совсем, – девушка смутилась. – Словом, ты сам. Мой отец не очень любит Мортимеров.

– Ну, он не одинок в своих чувствах. Ты можешь успокоить своего отца – к Мортимерам я уже давно не имею отношения. Я давно уже Арман... Ну ладно, не так давно, но все равно.

– Думаю, для моего отца эта разница малозначительна.

– Ни фиги себе! Разница огромна! Мортимеры – клан, Арманы – семейство, и вообще...

Такэда залилась смехом. Смеющаяся, она была очаровательна, и особенно ей шло длинное алое платье, в котором она была на этот раз. Ничего удивительного – при отце, строгом ревнителе традиций, она редко появлялась в брюках и тем более в рокерской коже. Дэйн почувствовал, что заливается краской под цвет ее платья.

– Ты же все прекрасно понимаешь, – сказала девушка. – Отца не проведешь. К тому же у тебя очень плохая репутация.

– Но я давно исправился. Я давно стал таким уважаемым, что просто противно.

– Трудно себе представить, что именно ты называешь «уважаемый».

– Хорошо, согласен. Относительно уважаемый. Зато со мной не соскучишься.

– Вот это верно.

– И я достаточно обеспеченный... ну, чтоб содержать семью.

– В самом деле? – на губах Такэды застыла чуть ироническая улыбка, которая делала ее лицо совершенно неподвижным, будто маска. – И что же?

– Ну, так... Э-э... Но для тебя-то мои ухаживания... Ну, они тебе не неприятны?

– Довольно приятны. Даже забавны. – Девушка вспомнила, как выглядел боевой демон в лентах и фыркнула.

– Ну, так тогда, может, ты и мое предложение примешь?

– Смотря какое.

– Да я собрался жениться. И если ты согласишься выйти за меня... – с деланой небрежностью проговорил Арман.

– А если я не соглашусь, то на ком ты собираешься женишься? – деловито поинтересовалась девушка.

– Что я, дурак – жениться на ком-то еще?!

– Хм...

– Не обижайся. Такэда! Просто я хотел сказать, что ни на ком другом жениться не собираюсь – только на тебе. Ну, пожалуйста. Согласись. Ведь я тебе не противен, а?

– Нет, конечно. Ты мне нравишься. Очень нравишься.

– Есть какое-то «но»?

– Только одно, – вздохнула девушка. – Мой отец не даст согласия на этот брак. Равно и наш патриарх – тоже.

– Но...

– Без их согласия я за тебя выйти не могу. Никак не могу. Наши традиции говорят... Между прочим, сюда идет папа. С пылесосом.

– Подожди, – Дэйн бросился к ограде и мигом взлетел на нее. – А если я сумею договориться?

– Я буду только рада. Давай же!

И Арман ловко исчез по ту сторону ограды под аккомпанемент возмущенного крика отца Такэды. Мгновением позже добавился и голос ее брата, которому сын Мэльдора, видно, тоже оказался не по вкусу. Впрочем, их вспышка была объяснима – оба они вряд ли желали обстоятельно разбираться, с какой такой целью он прислал в их дом боевого демона.

Дэйн засел в библиотеке и несколько дней изучал традиции Накамура. В результате он явился в метрополию своего клана, разряженный в шелковую ацуита с орнаментом из стилизованных журавлей, парчовую роскошную хандзири (откровенно говоря, полностью одежда именовалась хандзири-но-кагирину, но это название молодой человек не смог запомнить даже за неделю) и пояс оби с ткаными золотыми солнцами. К этому наряду по традиции полагался меч, и Дэйн гордо привесил к поясу клинок, который Накамура именовали кэн за двустороннюю заточку.

Увидев его в таком виде, Моргана села мимо кресла и несколько минут лишь молча хлопала ресницами.

– Ты б хоть что-нибудь сказала бы.

– Скажу, что у тебя идиотский вид, – выдавила она наконец. – Ты похож на вешалку под кучей ткани.

– Да ладно... А что, я неправильно навернул пояс? – и Дэйн завертелся вокруг себя, пытаясь заглянуть себе за спину. – Да... Пожалуй, кривовато.

– Но, братец... С чего ты так разрядился?

– А вот. Захотелось попробовать.

– Но согласись, что ко всем этим халатам...

– Это не халаты! Это ацуита и хандзири!

– Да какая разница? Я в том смысле, что со всем этим ботинки смотрятся как-то... не очень.

– А что мне прикажешь надеть? Сандалии, что ли? – Дэйн глубоко задумался. Поколебавшись, он заключил: – Ну нет. Пойду в ботинках. Вряд ли Накамура будут заглядывать мне под халат... э-э, под хандзири.

– Ты собрался к Накамура?

– Да... Э-э... В гости.

– Ну-ну, – пробормотала Моргана и ушла к себе.

В метрополии Накамура, где все, конечно, заметили недостатки его туалета, не сказали ничего. Эдано, глава клана, славился своей выдержкой, он принял гостя весьма любезно, и если патриарха шокировало то, как Арман носил традиционную одежду его рода, он воспринял

происходящее, как должное. С любезным видом принял гостя, выслушал его предложение, и Дэйн был просто поражен, когда ему отказали. Правда, очень вежливо, но непреклонно.

Объяснить причины своего отказа патриарх не объяснил.

– Ну неужели я настолько криво повязал пояс? – вопрошал расстроенный Дэйн, когда остался наедине с Такэдой днем позже.

– При чем тут пояс? – девушка не выдержала и улыбнулась. – Оби ты действительно повязал неправильно. И хандзири тоже... Где ты добыл эту одежду?

– Места знать надо, – пробормотал Арман. – Но разве важно, что я там неправильно повязал?

– Ты выглядел очень потешно.

– Ваш патриарх поэтому отказал мне?

– Нет, не поэтому. Я говорила – у тебя очень плохая репутация.

Такэда смотрела на него со странным выражением. Значение мимики на ее неподвижном, как у всех Накамура, лице очень сложно было разгадать. Но у молодого человека почему-то кольнуло сердце. Он ласково коснулся ее щеки.

– Ты огорчена этим?

Девушка, помедлив, кивнула. Для Дэйна это было самой лучшей наградой.

– Но в таком случае... – осторожно начал он.

– Нет! – решительно отрезала она. – Я люблю тебя, но никогда не выйду за тебя, если мой отец или мой патриарх не дадут согласие. Согласие патриарха намного более значимо, – и, развернувшись, зашагала обратно к метрополии.

– Ты любишь меня? – переспросил он ей вслед.

Такэда, обернувшись, кивнула. Арман лихорадочно соображал.

– Постой. А... А если я сумею похитить тебя? – он пытался вспомнить все подробности традиций, о которых столько сумел прочитать. – Если я сумею тебя похитить, ведь по вашим канонам это будет вполне... Вполне традиционно, правда?

В глазах девушки на миг вспыхнул интерес.

– Да. Если ты сумеешь меня похитить, то я смогу выйти за тебя замуж без согласия родственников. Но ты должен похищать меня из метрополии, и в ситуации, когда отец и патриарх знают о твоих намерениях. А это почти невозможно.

– Но я уже однажды проник в метрополию, и никто не понял, как именно.

– Даже ты сам.

– Но это же наилучший способ сохранить тайну, правда?

– И потом – ты смог войти. Но надо же еще и выйти.

– А я попробую.

Она ласково улыбнулась.

– Попробуй.

Дэйн подошел к делу, как всегда – по-своему очень серьезно. Он потратил две недели на то, чтоб подготовить запас химических веществ, которые по его прикидкам должны были сбить с толку людей и собак. Оставалась лишь магия.

Вот с магией, особенно боевой и системной, которая ложилась в основу любых стационарных магических схем, дело обстояло очень плохо. Системно-боевые чары считались самой сложной наукой среди всех чародейских наук, серьезно Арман ею никогда не занимался. Разумеется, какое-то представление об этом разделе знаний он получил, занимаясь магией материалов. Но чары, используемые в химии – это не то.

Но, несмотря на возражения здравого смысла, Дэйн решил действовать наудачу. И, готовясь к этому рейду, отправил патриарху письмо с извещением, что намерен выкрасть у него Такэду. Он помнил слова своей любимой – главу клана нужно известить о своих намерениях.

Через два дня письмо вернулось обратно. Правда, Эдано явно прочел его, поскольку в самом конце Арман обнаружил несколько странных значков, красиво нарисованных чернилами. В недоумении он связался по видеофону с Такэдой – она, в преддверии похищения терпеливо ждала результатов его усилий в метрополии, но к видеофону охотно подбегала каждый раз, когда ему хотелось с ней поговорить.

– Ты случайно не знаешь, что означают эти закорючки?

– Знаю, – ответила девушка. – Это иероглифы.

– Вот точно – иероглифы. Закорючки. А что они означают?

– Но-но! Поуважительнее. Мы так пишем.

– Да? Прости... Но, постой – это же неудобно!

– Зато красиво... – запальчиво бросила она и тут же вздохнула. – Ты на меня плохо влияешь. В начале нашего знакомства я никогда не сказала бы так.

– Ладно. Что тут накаря... э-э... написано?

– Если переводить буквально... Только буквально будет трудновато... А вот если найти аналог во всеобщем языке, то приблизительно... «Ну давай, давай»...

– Да? Что ж... Пусть будет «давай, давай»...

На следующий же вечер Дэйн уже был у метрополии.

Он изумился тому, насколько легко ему удалось миновать первый круг защиты. Немного особой химической смеси, одобренной чарами, которую он пролил на одежду – и она, испаряясь, сделала его невидимым для видео- и магических камер. Еще немного химии пришлось применить, чтоб вскрыть магнитный замок на одном из черных ходов. Арман не был уверен в составе, действовал наобум, но изобретение подействовало, как надо – пока жидкость не стекла со считывающей поверхности, механизм сошел с ума и открывался-закрывался хаотически. Достаточно было вовремя рвануть дверь.

Он забрался на крышу и протиснулся между сложными магическими конструкциями – в слепой зоне, единственной, которую просматривали только видеокамеры. Беззвучно прыгнул во двор, прыгнул вбок, за какую-то каменную конструкцию, то ли странную скульптуру, то ли незаконченную беседку. Затем сумел пробраться во внутренний дворик, проскочив под аркой. И вот тут-то на него напали.

Из сводчатой двери, напоминающей готическое окно, выглянул человек в черном, и по жесту его руки Дэйн сумел разгадать адресованное ему заклинание в тот же момент, когда кинул первое из заготовленных «сюрпризов». Говоря откровенно, он рассчитывал, что к Такэде сумеет пробраться, не потратив запас, а вот обратно порезвится всласть. Почему он так считал, и сам, наверное, не понимал до конца. Видимо, слишком свято верил в свою удачу.

Противник, судя по жесту и движению губ, собирался обездвижить противника, но вместо этого опрокинулся на спину, словно от удара – только Арман знал, что у несчастного ненадолго отказал мозжечок, который в мозгу человека отвечает за равновесие. Чары были не боевые, они применялись в магической медицине, потому защитный артефакт охранника их пропустил.

Младший сын Мэльдора недавно понял одну простую вещь – защитные артефакты невозможно составить в расчете на все случаи жизни. Как правило, в них закладывают от десятка до нескольких сотен основных боевых заклинаний, которые они должны отражать, и напитывают большой мощью – так построены и самые лучшие защитные чары. А значит, чем более непредсказуемым окажется атака, тем больше шансов, что она пройдет.

К тому же это вполне в духе Мортимеров – шутить таким образом. В свое время Руин добивался отличных результатов, используя заклинания «облако перца», «облако соли», «гравитационный хаос». Чтоб сформировать свой оригинальный подход, Дэйн несколько недель шерстил медицинские справочники, и, оставив список заклятий, убедился, что на хорошего медика лучше не нападать – слишком это опасно.

Следующую пару охранников постигло острое расстройство желудка, еще троих – сильнейший насморк и кашель. Еще один начал чесаться – это заняло обе его руки, и колдовать тут уже было невозможно. Дэйн не хотел повторяться, поэтому очередному нападающему позволил подойти, схватился с ним врукопашную. Одно случайное прикосновение в схватке – и заклинание клизмы вкачало в кишки этого несчастного добрых пару литров воды с полезными бифидобактериями: надо ж было хоть чем-то утешить пострадавшего.

Арман перепрыгнул через него и бросился бежать по высокому коридору к галереям, которые оплетали главное здание метрополии. Он помнил, где именно ждала его Такэда. Это было не так и далеко.

Наверное, ему следовало предусмотреть, что патриарх отлично понимает, с кем он имеет дело, и хотя бы попытается построить на пути нежеланного жениха действительно серьезную преграду. Но когда, выскочив из-под арки, ведущей в нужный дворик, Дэйн натолкнулся на двоих Накамура в зеленых одеяниях, он воспринял это просто как одну из случайностей. Ведь в мире нет ничего невозможного, ну совершенно ничего!

У одного из Накамура из ушей сразу полезли разноцветные тараканы и засновали по его лицу. Но тот почему-то отнесся к этому на изумление равнодушно. Он даже не стал смахивать тех насекомых, которые норовили залезть ему в глаза. Второе готовое заклинание, что Дэйн, не медля ни минуты, кинул во второго противника – отличное заклинание, очень мощное и пронырливое, – тот брезгливо перехватил в воздухе и втянул в себя, переработав в энергию. Если б младший сын Мэльдора смог в этот момент оценить уровень этих двоих, он, наверное, понял бы, что обречен – перед ним стояло двое архимагов.

Он сопротивлялся недолго – они скрутили его за пару секунд, и, хотя один при этом стал оранжевым, как апельсин, а у второго в волосах выросли огромные и довольно тяжелые мальвы, это не помешало им колдовать. Дэйна «упаковали» в парализующие и усыпляющие чары с полным жизнеобеспечением, и последнее, что он видел – это бледное лицо Такэды, которая действительно стояла в этом дворике и все видела. Отодвинув пленника ногой, оба архимага привели себя в порядок, а тот, у которого на голове оказалась целая охапка цветов, аккуратно снял их и кинул на тело Армана.

– Какой наглый парнишка, – бросил он, будто плюнул.

– Но талантливый, черт побери, – проворчал другой. – С выдумкой. Надо будет сказать ему, что есть смысл пытаться превращать в апельсин лишь магов слабее его на два уровня.

– А зачем? – равнодушно процедил первый. – Ты думаешь, он отсюда выйдет?

Каковы были на этот счет планы Эдано Накамура, не знали даже эти двое – старший внук патриарха, Нагао, знаменитый на весь Асгердан специалист по боевым системам, и Хиро, лучший маг в клане, чародей-универсал, а таких во Вселенной вообще было немного. По приказу главы Дома пленника отнесли в тюремное крыло, где и оставили.

Вечером в метрополию Накамура явился Мэльдор Арман. О чем он говорил с Эдано больше четырех часов, осталось тайной, но результат говорил сам за себя – патриарх приказал отпустить пленника, и измученный отец забрал своего непутевого сына.

– Что тебя понесло красть невесту по всем законам их клана? – устало спросил Мэльдор, когда машина уже подъезжала к его дому. Обычно он ездил сам, но на этот раз для солидности взял шофера – и порадовался, потому что после беседы обессилел совершенно. – Подобного не случилось уже больше тысячи лет.

– Она не могла выйти за меня иначе, как с согласия родных – а этого согласия не было – либо через такой вот обряд. И я читал в книгах об этом...

– А ты дочитал, что традиции Накамура требуют защищать своих женщин до последнего? Ты прочел о том, что этот обряд потому и приравнивает похищение к согласию родных, что он вынуждает их смириться. Если б они позволили тебе похитить Такэду, то тем самым добровольно позволили бы тебе жестоко унижить их. Болван! Они имели полное право убить тебя!

– Откуда ты так хорошо знаешь традиции Накамура?

– Я знаю очень многое. А вот ты какого хрена взялся, не изучив вопрос от корки до корки, – я вот чего не понимаю.

– Но что же мне было делать?

– Ждать, идиот! Сейчас не прежние времена. Если девушка действительно любит тебя, она рано или поздно добилась бы от отца согласия на этот брак, пусть с какими-то оговорками в брачном контракте, но все-таки. Накамура отнеслись бы к тебе терпимо хотя бы потому, что патриарх все равно в любой момент мог бы расторгнуть ваш брак, если б счел, что ты совершенно не подходишь его потомнице.

Дэйн смущенно опустил глаза.

– Ну, я... Я не подумал.

– А следовало бы. Раз уж ты собрался жениться, надо привыкать вести себя, как взрослый, – пробормотал Мэльдор. – Но, надо сказать, Накамура оказали тебе большую честь. Ты знаешь, кого против тебя поставили?

Младший Арман вопросительно поднял бровь, и отец назвал ему имена.

– Ни фиги себе...

– У тебя не было ни малейшего шанса.

– И что же теперь?

– Ничего. Если ты читал об обряде похищения, то должен был знать, что у тебя только одна попытка. И, знаешь ли, вызволить тебя было очень нелегко. Это стоило мне огромного труда. Прошу тебя, больше не попадайся Накамура.

– Тогда... Прошу тебя, устрой эту свадьбу сам.

Мэльдор помолчал, а потом нехотя начал:

– А к чему это? Послушай, может, все и к лучшему. Дэйн, ты же помнишь...

– Я ее люблю.

– Дэйн, ты помнишь, что ты проклят?

– И что же теперь? – тихо спросил молодой человек. – Всю жизнь трястись? Бояться? Шарахаться от любимой? Если меня должен убить собственный сын, то он для этого должен хотя бы родиться и чуток подрасти. А значит, у меня будет по крайней мере пятнадцать лет счастливого супружества. Ради чего ж еще стоит жить, а?

– Дэйн... – пробормотал отец, тронутый до глубины души.

– Пап, договорись о свадьбе, а?

Мало кто знал, каким чудом Мэльдору удалось вызволить своего сына, когда Эдано имел все права приказать казнить его. Но, добившись для Дэйна хоть какой-то возможности для совместной жизни с Такэдой, юрист явил чудо еще более поразительное. Не прошло и месяца, как отец принес сыну счастливую для того новость – патриарх Накамура больше не возражает против свадьбы своей много-раз-правнучки с представителем семейства Арман. А это означало, что все теперь по большому счету зависит от самой Такэды, ее отца Камидзуми и брата Иисо. Но для них было как-то неприлично возражать против этого брака, раз уж Эдано выразил иную волю. Они тоже заявили, что не возражают.

Это не было прямым согласием, и в прежние времена девушка вряд ли стала бы женой Дэйна. Но времена действительно изменились, и Такэда согласилась выйти за него замуж.

А еще через два года она родила сына.

Дэйн ничего не сказал жене ни до, ни после этого события. Он совершенно не изменился ни внешне, ни по поведению, а если и задумывался о проклятии, то никак этого не показывал. Казалось, рождение сына его только восхищает, новоявленный отец охотно возился с отпрыском, так что даже самая проницательная женщина вряд ли сумела почуять неладное.

Казалось, брак пошел младшему Арману на пользу – он стал немного спокойнее и, хотя время от времени позволял себе выходки, достойные скорее подростка, гораздо больше вре-

мени проводил с женой. Занятия магической химией шли полным ходом, и, хотя лаборатории Галактиса, где он проводил эксперимент за экспериментом, время от времени изрядно страдали, на успехах студента это никак не отражалось. Он закончил полный курс обучения, и еще потом расширенный, и еще высший магистерский.

Его нисколько не удивляло, что ему дают возможность учиться здесь, даже притом, что он доставлял ректорату, деканату и преподавательскому составу уйму неприятностей. Ведь хотя бы раз в год он обязательно делал открытие, составлял новую химическую формулу или некую новейшую магическую структуру, а все подобные достижения юридически принадлежали учебному заведению, студент же, сделавший открытие, получал лишь некоторый процент и, разумеется, скидку на оплату обучения. Дэйн где-то к середине курсов уже ни креда не платил за учебу. При этом молодой Арман приносил Галактису гораздо больше выгоды, чем убытков.

Но когда ему предложили преподавание нескольких предметов на младших курсах, он удивился. Преподаватель – это уже не студент. В Галактис брали лучших из лучших, потому что тамошнее образование так высоко котирировалось и столь дорого стоило.

От такого предложения трудно было отказаться.

– Да ты, я вижу, остепеняешься, – воскликнул изумленный и обрадованный Мэльдор. – Не ожидал...

– Не ожидал, что это вообще когда-нибудь случится?

– Конечно.

– Но, надеюсь, ты не разочарован?

– О чем ты говоришь! Статус нашего семейства куда выше поднимет твое положение преподавателя Галактиса, чем даже получение Руином архимажьего уровня... Должен же он когда-нибудь вернуться в Центр...

– Хм...

– Так что не посрами. И, – Мэльдор стал очень серьезен, – прошу тебя, будь осторожен. Ну, ты понимаешь, о чем я. Не хотелось бы теперь тебя потерять.

– Теперь – когда я так высоко поднимаю статус семейства?

– Думай как хочешь, главное не погибай. Ладно?

– Постараюсь, – вздохнул Дэйн.

Глава 4

Руин сидел у окна и писал – как всегда по утрам, с тех пор, как уличил своего секретаря в нечистой игре и был вынужден казнить его в назидание всем остальным. Казни в Провале воспринимались как нечто само собой разумеющееся, особенно если казненный был виноват хоть в чем-нибудь. Правителей, пожалуй, даже уважали за суровость, и Руин знал, что если будет воздерживаться от строгих мер, его попросту перестанут принимать всерьез.

Он знал, что сумеет удержаться на грани допустимого и не стать таким, каким был отец. То, что случилось с ним двадцать лет назад, заставило его по-другому взглянуть на себя и окружающий мир. Свою душу он научился воспринимать, как нечто материальное, иногда ослабленное, иногда страдающее своими странными и необъяснимыми болезнями. С тех пор, как вернувшись из-за грани Вселенной Руину пришлось заново учиться любить и ненавидеть, наслаждаться и мучиться, Арман привык смотреть на себя со стороны, оценивая не только поступки, но и желания, побуждения. Первое время он жил лишь памятью о чувствах. Это было нелегко.

Потом привык, и то, что ему приходилось изображать, стало получаться само. Правда, потребовалось не меньше пяти лет, прежде чем Руин снова начал чувствовать себя человеком, а не плохо сотворенным зомби. За это время в Провале он успел получить репутацию нестигаемого и сурового правителя, которого нельзя обмануть, который держит вожжи власти железной рукой. Это не совсем соответствовало действительности, поскольку с обязанностью править целым миром молодой человек столкнулся впервые (отец не предполагал, что ему может наследовать предпоследний сын, потому никогда ничему его не учил).

Но, как бы там ни было, репутация сыграла Руину на руку. Пока он еще только осваивал науку управлять, подданные опасались его холодного взгляда, немногословности и каменного лица. А потом, когда, осознав, что головы пока не летят, словно камни в лавине, беспокойные представители знати стали искать собственную выгоду, правитель уже сориентировался. Он понимал, что излишняя мягкость станет его смертным приговором, но и зверствовать зря тоже не стоило – это было чревато заговором.

Руин хотел жить спокойно – и ради себя, и ради жены, и ради детей. Рэондо, которого Катрина родила почти двадцать лет назад, уже вымахал в стройного крепкого парня, он охотно помогал отцу, веселился на балах, охотился и заигрывал со служанками. Глядя на него, правитель часто думал, что и сам вырос бы таким, если б ему тоже повезло с семьей и детством. О беде, случившейся с ним до рождения, Рэондо, конечно, ничего не мог помнить, а потому можно было сказать, что его жизнь пока еще ничто не успело омрачить.

Только недавно Катрина разрешилась от бремени вторым сыном и, подойдя к окну, Руин разглядел внизу, в парке, синенькую колясочку с большими колесами. О подобных вещичках в Провале прежде не слыхали, для второго сына властителя коляску пришлось привозить из другого мира, весьма далекого. Счастливый отец предлагал жене обойтись без покупки, тем более что двадцать лет назад Рэондо коляска не понадобилась, он вырос на руках у нянек. Но Катрина так и не привыкла к положению знатной провальской дамы и потребовала привычный для себя предмет.

Несмотря на ее странное для супруги правителя поведение и привычки, которые недоброжелатели называли плебейскими, большинство провальцев любили Катрину Айнар. Она казалась им идеалом женщины по-провальски – тихая, незлобивая, ласковая, послушная мужу (как Руин и просил, спорила она с ним только наедине, прилюдно же всегда соглашалась), верная и к тому же замечательно плодовитая. Для бессмертной женщины ребенок раз в двадцать лет – это много. А уж если супруга правителя рождает одних мальчиков, то ей, само собой, за это честь и слава.

Всеобщая любовь как-то примиряла Катрину с этим «диким миром», как она говорила.

Она подняла голову, увидела мужа у открытого окна и заулыбалась ему. Сердце Руина затопила нежность. Он не представлял, как ей удавалось терпеть его, только-только вернувшегося из-за грани мира, почти не живого и бесчувственного. Катрина любила его любимым, и благодарность за ее преданность грела его сердце. С Катриной ему повезло, здесь и спорить-то было не о чем. Но любое счастье надо было заслужить, это он понимал. Именно мысли о жене заставили его тогда научиться чувствовать по-старому – он хотел, чтоб ей стало с ним уютно. Забота о семье в свою очередь призывала научить знать Провала беспрекословно подчиняться молодому правителю.

Зачастую приходилось действовать жестко, впрочем, ничего другого от сына Армана-Улла и не ожидали. Лишь Катрине становилось неприятно, когда на площадях столицы объявляли об очередной казни. Потому Руин старался по возможности обходиться без казней, заменял смертный приговор заключением в одной из двух самых страшных тюрем Провала. Он не был уверен, что для осужденных подобный приговор оказывался предпочтительней смерти, но жене, конечно, об этом не говорил.

Руин закончил работу над письмом, предназначенным правителю соседнего мира под названием Венец, и вызвал курьера. Переписка была очень важна для Армана и Байрема Дирайена, владыки Венца и еще пяти миров, потому провалец старался не допускать к ней даже секретарей, которым с некоторых пор перестал доверять. Курьерам он доверял. Каждый курьер был окружен плотной сетью заклинаний, построенных самим властителем, каждый знал: только подумай о том, чтоб сделать какой-то лишний шаг – государю сразу станет об этом известно.

Курьеры обязательно владели кое-какой магией, могли защитить себя и груз, может, даже поставить простенький портал. Руин сам подбирал их на эту высокооплачиваемую и почетную работу из числа выпускников Магической Академии. Они также знали, что беспорочная служба обеспечит им безбедную старость, а бессмертным, кроме того, – служебный рост и уйму возможностей совершенствовать магическое искусство.

Складывая письменные принадлежности, Арман думал о случайно найденной им дочери Морганы, девочке, о которой он сам давно и думать забыл. Впрочем, почему случайно? Он центрировал заклинание переноса по собственной крови. Для Руина это был любопытный эксперимент, поиск возможностей более полно использовать собственную энергетику. На всякий случай он старательно исключил из создаваемой структуры параметры всех своих родственников. Но не исключил близнецов, рожденных сестрой много десятков лет назад, потому что просто не подумал о них.

Результат очевиден. Заклинание перенесло его к Монтале. Могло бы перенести и ко второму из пары, к мальчику, который давным-давно должен был превратиться в мужчину, если, конечно, выжил. Но не перенесло, и понятно, почему – юноша живет в Провале, то есть рядом. В составленной Руином магической структуре оказалось много энергии, и потому она выбрала дальнюю цель.

В девушке не чувствовалось ни следа вырождения. Арман понимал, конечно – он не специалист, не ликвидатор, но полагал, что достаточно силен как маг, чтоб определить вырожденца. К тому же у него был образчик ее крови. Вернувшись в замок, он еще раз перепроверил все. Получалось вновь, что девушка носит все генетические признаки семейства Арман, что она не вырожденка и даже близко не стояла, и что ее родила именно Моргана. Руин сделал развернутый анализ, на всякий случай добавив собственную кровь – для сравнения.

А потом, взглянув на результат, первый раз в жизни поперхнулся.

Отцом Монтале оказался отнюдь не Арман-Улл.

Отцом Монтале был сам Руин.

Тогда в первое мгновение молодой правитель просто не поверил в увиденное. Он спокойно развеял анализирующую структуру, тщательно построил ее снова, проверяя каждый узел. Потом снова ввел образчик крови девушки и свой. Структура послушно определила, что носители представленных образцов состоят друг с другом в прямой родственной связи «отец-ребенок». Ошибка исключалась – допустить ее в простейшей сравнивающей системе вряд ли позволил себе даже свежеиспеченный выпускник Магической Академии, а Руин считал себя мастером.

«Это же невозможно, – подумал он в недоумении. Откуда?..» А потом вспомнил, откуда.

В тот миг он ощутил настоящий страх – первый такой случай за последние двадцать лет. Чтоб испытывать страх, нужно было совершенно восстановиться внутренне. Первая с тех пор вспышка страха должна была бы обрадовать Армана, как свидетельство того, что он вполне восстановился духовно и пребывает в полном порядке.

Но радости Руин в себе не нашел. Он смотрел на спокойно колеблющуюся эфирную конструкцию, которая в магическом зрении представляла собой ажурную вязь полос света, а обычным зрением была не видна, и не представлял, что себе сказать. Ему так редко случалось ошибаться, что он просто не знал, как теперь себя вести. Не так-то легко осознавать, что у тебя имеется еще двое детей, причем от горячо любимой сестры.

Был ведь еще один немаловажный момент. Тогда, шестьдесят лет назад, они с братом решили отправить новорожденных близнецов подальше от сестры, потому что были уверены – эти дети зачаты от вырожденца. Из них не могло получиться ничего толкового, да и прожили бы они очень недолго. Несчастная Моргана, которой и так пришлось немало пережить, не выдержала бы смерти детей (а их гибель, как казалось, была предопределена), и этого Руин не желал допускать. И потому он без колебаний согласился избавиться от малышей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.